

INSPIRIA

Нелл
Хадсон

Только сегодня

В переводе
Юрия Медведько

18+

INSPIRIA

Нелл Хадсон
Только сегодня
Серия «Переведено.
Проза для миллениалов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528493

Только сегодня: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190756-3

Аннотация

Канун Нового года.

Умопомрачительная вечеринка должна запомниться всем. Любой ценой. Для Джони и ее друзей эта ночь обещает стать кульминацией их беззаботной молодости, однако с наступлением рассвета им всем придется столкнуться с чем-то более страшным, чем похмелье и порванные колготки.

Но они не позволят трагедии омрачить их молодость и заглушить жажду любви, веселья и вечного праздника. Они будут изо всех сил стараться удержать золотое время, когда впереди вся жизнь и нечего терять, пока наконец не столкнутся с неизбежной правдой: веселье в любом случае однажды закончится. Вопрос лишь в том – как?

«Только сегодня» – архетипическая история взросления и потери невинности в декорациях современного Лондона. Для поклонников Салли Руни и Стивена Чбоски.

Содержание

Пролог	6
1	8
2	36
3	51
4	85
5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Нелл Хадсон

Только сегодня

Маме и папе

Простите –

Моя душа здесь с Цезарем во гробе.

Пока я с ней в разлуке, замолчу.

**Уильям Шекспир. Юлий Цезарь, акт III, сцена 2 (пер.
А. Фет)**

Nell Hudson

JUST FOR TODAY

©2022 Nell Hudson (P)2022 Headline Publishing Group Ltd

© Медведько Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

С тех пор как мы завели традицию обмениваться нашими дневниками, я пишу с мыслями о тебе. Ты как будто восседаешь где-то высоко на галерке моего сознания. Я слышу тебя. Интересно, всегда ли так будет. Будет ли все, что я смогу написать, эхом тебя.

Надеюсь на это.

Возможно, если я опишу все произошедшее с нами за последний год, то тогда осознаю, что же произошло. Пока я притаилась в закутке между Рождеством и Новым годом, и жизнь затихла. Мне нечего было делать, да я ничего толком и не могла делать, кроме как писать. Это помогало, как всегда. Соприкосновение стержня ручки с бумагой замыкало во мне электрическую цепь, соединяя голову с сердцем, отождествляя меня сегодняшнюю с той, кем я была год назад.

Последние двенадцать месяцев приходят ко мне в снах в образах морской воды и запаха загара на коже. Высвечиваются всполохами: любимое созвездие, моя голова на чужих подушках, театр, теплое тело, прижавшееся к моей наготы. Я перескакиваю от пейзажа к пейзажу: поля и утесы сменяются городскими огнями, мерцающими в сумерках. Вереницы домов. Круговерть комнат. Наше веселье.

Воспоминания ранят. Я переворачиваю один камень, а под ним нахожу множество других, и под каждым оживают

события далекого прошлого. Происшествие нескольких месяцев давности рождает другое или сразу несколько более поздних, которые предстают передо мной с такой ясностью, что у меня перехватывает дыхание. И я пишу. И каждая картина, всплывающая в моем сознании, с предельной ясностью указывает на неизбежность надвигающейся катастрофы, что в конечном итоге и произошло.

Из моего окна видна трепещущая на ветру дикая яблоня. Иногда яблоню навещает малиновка, и я вынуждена отрываться от своих воспоминаний. Птица смотрит мне в глаза, и я чувствую что-то родное, что-то радостное. И я возвращаюсь к своей писанине с обновленной решимостью.

Я арендовала душную мансарду в доме практикующего психотерапевта в Северном Лондоне и работала няней в семье, которая проживала неподалеку. На работу и с работы я ходила пешком. Каждую пятницу по пути домой я покупала в местном гастрономе итальянскую шоколадку, ту, у которой под оберткой спрятано предсказание, отпечатанное на полоске вощенной бумаги. Лакомясь шоколадом, я затевала переписку с друзьями, строя планы на вечер. У нас каждый день что-нибудь да намечалось, а если вдруг нет, мы делали все, чтобы это исправить: устраивали купание при луне в пруду Хэмстида, затевали пикник в парке, который заканчивался часа в четыре утра в среду в каком-нибудь неизвестном ночном клубе.

Но это было неважно, ничего не имело значения.

Вернувшись в свою захламленную конуру, я спешила сменить подчеркнуто благообразный наряд няни на что-нибудь созвучное предстоящей ночи. Обувь должна была соответствовать тому стремительному ритму, в котором проходили наши увеселения. Но кроссовки исключались – на всякий случай, так как в некоторые заведения города в кроссовках не пускали. Такие места были рассчитаны на богатую и знаменитую публику, но время от времени нам удавалось просочиться вместе с толпой, и мы всегда стыдились своего мел-

кого мошенничества, когда симпатичная администратор (которая исподтишка приторговывала кокаином) вносила нас в список гостей. Зато, преодолев все препоны, вы попадали в другие миры. Это могла быть обстановка величественного загородного дома: массивные полки, заставленные книгами, дровяные камины, роскошные обои по сотни фунтов за квадратный метр. Или же перед вами открывалась зала флорентийского палаццо, где загорелые хипстеры курили вейпы, собравшись вокруг фонтана. В другом месте вас встречал благоухающий сладкими ароматами разнообразных растений восточный риад или вы оказывались в подпольном баре прямиком из 1930-х. В крайнем случае вас ожидал подвал, залитый золотистым светом неоновых ламп, где вы за просто могли оказаться за соседним столиком с восходящей поп-звездой. Такие заведения работали круглосуточно, и я просто ненавидела уходить оттуда. И когда танцевальный марафон, начавшийся еще в предрассветные часы, приближался к полудню, можно было переместиться в ближайший ресторанчик, чтобы позавтракать и провести несколько часов, пролистывая свежие газеты, похрустывая тостами. Но тут, как правило, объявлялся кто-нибудь из знакомых, а это минус еще несколько часов за кофе со сплетнями. В конце концов вы решаете заказать чего-нибудь поесть, а там не успеваешь оглянуться – приходит осознание, что пора бы и выпить.

Бесконечные выходные – подобный образ жизни стал для меня абсолютно естественным. Таким было и прошлое лето

в Корнуолле: круговерть гедонизма в тесной компании друзей. Там никто никогда не оставался в одиночестве, даже если принимал ванну. Кто-нибудь приходил и присаживался на край ванны, проливал в воду импровизированные коктейли и трепался в ожидании своей очереди освежиться. Время утратило свою власть. Казалось, солнце, едва успев закатиться, вновь появлялось над горизонтом. Сон перешел в разряд дополнительной опции. Никто толком не знал, какой сейчас день недели.

В городе жизнь летела стремительно. Времени в обрез: за удовольствиями нужно охотиться и, выследив желаемое, немедленно хватать его. Если медлить, оно ускользнет, ведь эти редкие мгновения эйфории невозможно наколдовать из пустоты, для этого должна вызреть особая атмосфера. Можно размазывать физиономию, обвеситься драгоценными побрякушками и выйти в свет, бурля желаниями и решимостью, но, если атмосфера не вызрела, все будет напрасно. Вы будете громко смеяться, хлестать алкоголь или закидываться чем похлеще, пытаясь оживить ночь, но это не сработает. В конце концов вы, подобно призраку, исчезающему с первыми солнечными лучами, вернетесь домой.

В канун Нового года образуется сгусток энергии. Ее так много, что в любой момент ситуация может выйти из-под контроля. Она как ядерная реакция – взрывоопасна, если ее не распределить правильно. Возможно, поэтому мы тусуемся все вместе или прячемся друг от друга, пытаемся усмирить

эту энергию.

Мне повезло: я не отлучалась из дома с самого Рождества – одно сплошное безделье. Мои друзья оказались менее удачливы – им пришлось ходить на работу. Офисы не терпят бездельников. Закончив трудовой день, мои неудачники первым делом мчались ко мне в берлогу, где я во фланелевой пижаме, включив обогреватель почти на максимум, развлекалась писаниной, периодически прерываясь на перекус. Они так радовались нашей встрече, эти мужественные эмиссары реального мира, появляясь томимые жаждой, с распахнутыми воротниками.

Найл заявился с шампанским. Мила присовокупила четыре косячка, скрученных аккуратными трубочками. Вскоре должна была подтянуться Джесс, она занималась пиаром вечеринки, которую устраивал лондонский еженедельник «Лайн», и ей нужно было присутствовать там хотя бы какое-то время, чтобы потом, уловив удобный момент, незаметно улизнуть.

Найл и Мила, как обычно, флиртовали, прикрываясь взаимными оскорблениями.

«Столько денег вбухано в твое образование, Найл, а ты так и не научился распознавать сарказм».

Найл был самым старшим среди нас. Ходил на скучную высокооплачиваемую работу и бескомпромиссно щедро распоряжался своими доходами. У него были несколько старомодные манеры, и он одинаково общался как с двухлетними

детьми, так и со stodвухлетними стариками. Он разобрался в кредитных ставках и с легкостью мог поменять колесо на автомобиле. Такого персонажа приятно было иметь в команде.

Пока я причесывалась в ванной, мы разминались шампанским. Хихикали и сплетничали о тех, кого можем встретить на тусовке. Попутно разрабатывали пути отхода на случай, если нарвемся на нежелательных знакомых. Таких, как Сильвия – пухленькая, в общем-то, весьма милая девушка, днем официантка, по вечерам – поэт, но уж если она сядет вам на уши, то единственное, что вы почувствуете, так это то, что все веселье проходит мимо вас. Правда, есть еще более утомительные собеседники: не задав вам ни единого вопроса, они уже всем своим видом показывают, как вы им осточертели. За такими снобами идут перебравшие кокса девицы и пожилые мужики с плохими шутками и дурным запахом изо рта.

Традиционно за пять минут до выхода меня посетило привычное желание остаться дома. В комнате было жарко. Шампанское в моем бокале нагрелось и приобрело кисловатый вкус. Подступившая апатия подхватила меня под руку, приглашая скинуть неудобные туфли на высоком каблуке, стянуть лифчик и влезть во все еще теплую фланелевую пижаму. Воодушевленный междусобойчик Милы и Найла вызывал у меня чувство одиночества и горечи. Но я боялась сказать им, что хочу остаться, это обломает их. И Мила просто убьет меня. А Пэдди, увидев, что наши влюбленные заяви-

лись без меня, внесет мое имя в черный список и больше не будет никуда приглашать. Я не могла этого допустить. Подчинившись приливу воодушевления своих друзей, я выползла на улицу и, глотнув ледяного воздуха, вновь ощутила зов надвигающейся ночи.

Где-то в стороне брызнул одинокий преждевременный салют. Мы припустились во всю прыть, раскулив на ходу один из душистых косячков Милы, и, передавая друг другу, постарались прикончить его до того, как погрузиться в духоту станции Северной ветки. Все пассажиры были разодеты и возбуждены. Мы разговорились с компанией девушек, чья благопристойность болталась на нескольких ниточках с блестящими пайетками.

– Едете смотреть салют?

– Нет, просто семейные посиделки.

На улице все еще работали кофейни, распространяя ароматы кофе и мускатного ореха. Взявшись за руки и распевая «Я настроена танцевать»¹, мы двинули по Холлоуэй-роуд. Найл одарил бездомного пятаком и парой новых носков (он всегда имел при себе купленные для этой цели носки: «Это так дико – не иметь свежих носков»).

Пэдди открыл дверь со словами: «Блядь, ну наконец-то вы пришли». Он был актером и заметно отличался от других наших знакомых лицедеев, обычно замкнутых и пришиблен-

¹ *I'm in the Mood for Dancing* – сингл ирландской поп-группы *The Nolans Sisters*. (Здесь и далее примечания переводчика и редактора.)

ных, оживающих только в момент выхода на сцену. Пэдди всех нас расцеловал и впихнул в квартиру, словно мы беглецы какие.

– Ханна заставила меня притащиться сюда еще в обед, ей на подмогу, – пожаловался он.

Ханна, наша хозяйшюка, училась в одной школе со мной, Милой и Джесс и сейчас работала художником-декоратором. Она, можно сказать, взяла Пэдди под опеку сразу после того, как познакомилась с ним на праздновании восемнадцатилетия Милы.

Пэдди первым делом раздал всем креманки с игристым розовым вином.

– Джони! – воскликнул он, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки. – Вот это платье! Я б такое позаимствовал. Ребята, давайте скидывайте пальто – гардеробная в спальне наверху, та, что слева.

Мы оставили Найла потрещать с Пэдди и пошли раздеваться. Поднимаясь по лестнице, окинули взглядом, что делается в гостиной.

Только мы вошли в спальню, как кто-то влетел вслед за нами и захлопнул дверь – Джесс. Обняв нас, она плюхнулась на кровать и засыпала нас вопросами о том, как мы провели Рождество, как наши семьи, и, не дожидаясь ответов, вывалила свои новости.

– Я разругалась с мамой в пух и прах! Опять эта шарманка про то, что у меня никого нет. Она просто не может с этим

смириться.

– О господи! – вырвалось у меня.

– Вот и я о том: мама, расслабься, мои часики дотикали только до полудня.

– Моя такая же, – добавила Мила и продолжила, виртуозно подражая нигерийскому акценту своей матери: – «Когда ты найдешь себе хорошего парня и прекратишь страдать ерундой?»

Мы с Джесс рассмеялись.

– Эх, ладно, – отмахнулась Джесс. – Я припасла улетную кислоту с лайновской тусовки. Давайте закинемся.

Каждый год на следующий день после Рождества родители Ханны улетали в Малагу, и весь январь дом был в нашем распоряжении. Ханна успевала переоборудовать все под нескончаемую вечеринку, а затем вернуть все обратно и навести образцовый порядок. Ее новогодние тусовки пользовались популярностью: двери были открыты для всех желающих, алкоголь лился рекой. Поговаривали, что Ханна потратила целых два дня на подготовку дома к вечеринке, убирая с глаз все ценные вещи и украшая комнаты в соответствии с темой, которую она выбрала еще несколько месяцев назад. В этом году Ханна превзошла саму себя. Сад освещали китайские бумажные фонарики красного цвета и керосиновые светильники. Весь дом благоухал легкими ароматами сигаретного дыма и нарциссов, которые были расставлены по всем подоконникам и каминным полкам в стеклян-

ных молочных бутылках. Создавалось впечатление, что все пространство залито золотистым светом, играющем на всех предметах и лицах гостей. Ханна всегда подшучивала, что на свои вечеринки она приглашает людей исключительно приятной наружности, что было шуткой лишь наполовину. На самом деле допускались и двойные подбородки, и одутловатость от праздничного обжорства, но все были красавцы – в своих лучших нарядах из шелков и кожи.

Мы курили в саду.

– Куда это Найл подевался? – спросила Мила.

Мы видели, как он разговаривал с Сесили Симмонс, девушкой, обладающей всеми составляющими привлекательности, но с полным отсутствием вкуса.

– Тьфу. Хорошо, что он попался, а не я, – проворчала Джесс, глубоко затянулась и сунула свою обмусоленную сигарету со следами помады мне в рот. – Меня от нее тошнит.

Джесс – одна из тех немногих людей в мире, от которой я была готова принять обмусоленную сигарету. И не потому, что я ее люблю, а потому, что она была до абсурда чисто-плотной. Даже не просто чисто-плотной, а холеной. Она всегда умудрялась без особых усилий выглядеть стильно. Еще в школе, когда мы с Милой одевались в шмотье из сетевого «Праймарк» и перебарщивали с тональным кремом, Джесс предпочитала вещи из секонд-хенда и минимум макияжа. Сейчас же, в роли искушенной пиарщицы, она одевалась преимущественно в черное и считала, что кроссовки годятся

только для фитнес-залов. Волосы она мыла шампунем по 25 фунтов за бутылку, и за ней всегда волочился шлейф цитрусовых ароматов.

У меня брякнул телефон – СМС от Дила:

Ты здесь? Я наверху.

Сказав девчонкам, что сбегая в туалет, я просочилась сквозь собравшуюся толпу, направляясь напрямик в маленькую комнату на верхнем этаже, которую, я точно знаю, имел в виду Дил. Он бы не позвал меня в игровую комнату на втором этаже, где двое незнакомцев нянчились с гитарой, распевая песню Бейонсе в слащавой, фальшиво-ироничной интерпретации. Не стоило искать его и в бывшей детской спальне Ханна этажом выше, где группа наркош уничтожала коксовые дорожки с томиков «Сумерек». Нет. Он имел в виду уединенную комнатку под самой крышей дома, где из мебели были лишь деревянные стол да стул. Вот и он – курит у окна, и бодрящий воздух обновляющегося года заполняет комнату, словно колдовское заклинание.

– Привет! – выпалила я.

Дил резко повернулся всем телом, и облачко дыма окутало его лицо, когда он выдохнул.

– Фил! – расплылся он в улыбке.

Так он меня прозвал. Настоящее мое имя – Джоан, но, будучи подростком, я открыла для себя Джони Митчелл и пе-

реименовалась в Джони – однажды и бесповоротно. Скорее всего, культовая певица и не знала, что делит фамилию с толстеньким лысым мужиком средних лет – персонажем мыльной оперы Филом Митчеллом. Отсюда Дил и дернул прозвище для меня. Поначалу меня это сильно бесило, такая ассоциация серьезно угрожала моим подростковым иллюзиям. Но мое раздражение лишь раззадоривало Дила, и в конце концов я приняла шутку. Мы стали Дил и Фил. Дил – сокращенное от Дилан – в честь Боба Дилана. Да, родители Дила были круче моих. Наши матери познакомились на предродовых курсах. И мать Дила покорила мою «дикой прической» и полным равнодушием к предпочтениям других беременных женщин.

– Звоните, неистовые колокола, звоните диким небесам, звоните облаку летящему и ледяному свету бейте! Ведь этой ночью умирает год, – продекламировал Дил.

– Байрон?

– Теннисон.

– Пошли вниз, – предложила я, стараясь не позволить ему втянуть меня в разговор.

Мы виделись всего пару дней назад, но стоит нам остаться наедине, мы можем проболтать всю вечеринку напролет. Нам всегда есть что обсудить. Какое-нибудь новое открытие, которое требует анализа. Почти на телепатическом уровне мы понимали, куда каждый из нас ведет, могли одновременно развивать дискуссию в нескольких направлениях.

ях, проскакивая через неожиданные смены тем, только чтобы синхронно выйти на коду разговора. Совместное молчание тоже было комфортным, правда, недолгим. И, боже мой, как он меня смешил!

– Пошли, Дил, – настаивала я. – Что ты здесь забыл, чудила?

– Подруга. Меня плющит. Перед выходом из дома втянул пару дорожек, и они оказались не в кассу.

– Ну, тогда давай выпьем. Надо тебя уравновесить.

– А Найл здесь?

– Да, мы вместе пришли.

– Хорошо.

Внизу долбила музыка.

– Давай пыхнем, – предложил Дил.

– Больше не хочу. Слегка мутит. Мила крутит слишком крепкие косяки для меня.

– У нее есть ТРАНС?

– Нет. У Джесс есть.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Тогда он подошел и обнял меня.

– Значит, все отлично, – сказал он, и мы стали спускаться вниз навстречу музыкальному гулу.

– Давай оторвемся, – вдруг выкрикнул Дил, задорно взъерошив пальцами волосы.

Мы уже почти спустились, когда Дил замер посередине последнего лестничного пролета. Я обернулась, чтобы по-

смотреть, что он там увидел, вернее – кого. В промежутке между балясинами я сразу же выхватила взглядом синевато-серую копну жестких волос, уложенных в эдвардианском стиле. На лице хозяйки прически сияло выражение крайнего самодовольства. Пышная грудь высвободилась из-под слишком узкой блузки, и на огромных бурых сосках виднелись капельки молока – Марла. Устроившись на диване, она доставала молокоотсос из сумки.

– Черт.

– Наверное, это крайне нетолерантно – думать, что она должна сейчас сидеть дома со своим малышом, да? – спросил Дил.

– Наверное, с моей стороны будет крайне мерзко предложить не подходить к ней, нет? – продолжила я.

Но было поздно.

– Джони! Дилан! Идите поздороваемся!

Марла Ташен числилась местной оторвой; мерилом, с которым мы соотносили нашу собственную распущенность. (По шкале от одного до Марлы: насколько я была пьяна?) Ее называли исчадием хаоса. Мы успокаивали себя тем, что нам до нее далеко. На отцовство ее ребенка претендовало сразу несколько кандидатов.

Я познакомилась с Марлой на подпольной рейв-тусовке на каком-то заброшенном складе. Мы столкнулись в туалете, обустроенном в одном из закоулков. Она была одна и закидывалась кокаином, попивая апельсиновый сок из коробоч-

ки. «Витамин С в соке уравнивает “Снежок”», – поведала она, тараща на меня глаза с расширенными зрачками, как у мультяшного персонажа.

– Знаешь моего брата? – неожиданно спросила тогда Марла, схватив меня за подбородок, и так близко придвинулась, что я подумала, она хочет меня поцеловать.

– Кого?

– Генри! – проорала Марла, явно не контролируя громкость своего голоса.

– А, да, конечно. Ну, немного.

Она прижала палец сначала к своим губам, затем к моим.

– Ш-ш-ш, не говори ему про Снежка, хорошо?

В ту ночь я стойко берегла ее тайну, а с годами узнала, что о наркотических пристрастиях Марлы был прекрасно осведомлен не только Генри, но и весь Лондон.

– Приветтики! – пропела она, благоговейно глядя на нас, и взяла меня за руку. – Как делишки, детишки?

Марла была всего на пару лет старше нас, но с тех пор, как стала матерью, из нее полезло ханжество тупой училки. Мои губы невольно сжались. По-видимому, я стала уже достаточно взрослой, чтобы меня называли «детишкой», но еще не доросла до того, чтобы не обращать на это внимания.

Большой палец Марлы елозил по моей руке вперед-назад, словно ужасно медленный метроном, затягивающий время пребывания в ее компании. Я метнула Дилу многозначительный взгляд.

– Ох, знаешь, – заговорил Дил, – я сокрушен сознанием того, насколько мало преуспел в этом году. Что у тебя?

Марла захихикала.

– Умеешь ты рассмешить меня, Дилан, – сказала она, отцепляя молокоотсос от груди. – У меня все хорошо, пацан. Нравится быть мамашей, особенно когда Беар дает мне вздремнуть чуток.

– Уверен, тебе не привыкать бодрствовать ночи напролет под чмоканье юнцов, присосавшихся к твоим сиськам, – встрял Пэдди. – Так, вы двое, – обратился он к нам, – Ханна хочет, чтобы мы помогли ей подготовить танцпол.

Нас с Дилом дважды просить не пришлось. Втроем мы завальсировали между разодетых гостей, пробираясь в сад, где в специальной студии намечались танцы.

Студия представляла собой помещение высотой в два пролета с выбеленными кирпичными стенами. Повсюду стояли огромные горшки с высоченными растениями. Южная часть крыши была застекленной, поэтому создавалось двойственное ощущение – то ли это теплица, то ли цирковой шатер. К железной поперечной балке, украшенной гирляндами, были подвешены двухместные качели. Люди фотографировали друг друга, раскачиваясь на них, задирая ноги. Несколько стройных девиц спорили, какую пластинку поставить, но их опередил Фрэнк Форд, который уселся за старый рояль, что стоял в углу, и заиграл какой-то восьмитактовый блюз. Танцы еще не начались, но их приближение ощуща-

лось по нарастанию звуков настраивающегося оркестра. По пути в студию мы потеряли Дила. Возможно, его перехватил кто-то из гостей. Мы с Пэдди плюхнулись на диван и принялись перемывать кости всем гостям на вечеринке.

– Она еще раньше спрашивала, есть ли у меня какие-нибудь колеса, – обронил Пэдди.

– Кто?

– Марла.

– Господи, – выдохнула я. – А разве это не попадет в молоко и не отравит ребенка или еще хуже?

– Да кто ж знает, но настроена она была крайне решительно.

Подражая вычурному говору девочки-подростка, Пэдди выпалил:

– «Пэдди, Пэдди, дорогуша, у тебя есть что-нибудь на кармане? Мамочка хочет праздника!»

– Черт, – передернуло меня. – А кто, думаешь, отец ребенка?

– Да, похоже, кто-то из ее братьев. Ташены слишком большие снобы, чтобы опускаться до размножения с кем-нибудь не из их семейства.

– Фу-у.

– Помяни черта, – сострил Пэдди.

А вот и Генри. Стоит, слегка ссутулившись, как это часто делают высокие люди. В руках бутылка пива, разговаривает с симпатичным рыжеволосым парнем, которого мы называ-

ем Ржавый. Генри не был похож на свою сестру, ну, кроме густых, практически черных волос и голубых глаз. Правда, у него они были не такие опустошенные, наверное, потому, что он не так плотно сидел на наркотиках. Он был красив какой-то детской красотой – чистой и почти противоестественной. Генри был одним из тех знаменитых щеголей из Моссхед – привилегированной школы для мальчиков, которыми мы с Милой были просто одержимы в детстве, а я конкретно была одержима Генри. Он практически не обращал на меня внимания вплоть до прошлого лета, когда мы переспали после карнавала в Ноттинг-Хилл. Мне просто не верилось в происходящее: когда он целовал меня, моя подростковая самооценка выписывала головокружительные сальто. Затем он пропал. Я была слегка уязвлена, но нисколько не удивилась. С тех пор мы не виделись. Ходили слухи, что теперь у него в подружках Имоджен – пугающе красивая контент-мейкерша, девушка его уровня.

– Знаешь, она его бортанула, – сказал Пэдди, проследив за моим взглядом.

– Что?

– Ну, эта коза Имоджен. Теперь встречается с австралийской моделью. Ударилась в здоровое питание, йогу и всякое такое дерьмо.

– Что, стала лесбиянкой?

– С мужчиной-моделью, дубина.

Вдруг возникла Джесс и плюхнулась прямо нам на коле-

ни. Своими возгласами и возней мы привлекли внимание нескольких человек. В том числе и Генри. Наши взгляды встретились, и... Неужели я нафантазировала? Искрометный всполох грядущего.

– Хотите слегка закинуться? – спросила Джесс.

– Да.

Мы собрались в ванной комнате на втором этаже. Найл и Мила сидели на краю ванны, балансируя и держась друг за друга. Дил, подтянув колени к подбородку, курил на подоконнике. Джесс и Пэдди скручивали из папиросной бумаги «Ризла» маленькие пельмешки с начинкой из психостимуляторов и раздавали нам.

– Эта ванная комната больше, чем вся наша квартира, – отметила Джесс, проглотив свою порцию.

– Зачетно! – отозвалась Мила.

– А вы в курсе, что из этого торчат уши антисемитизма? – спросил Пэдди, запив свой «пельмешек» водой из крана.

– Из чего? Из психотропов?

– Из празднования Нового года! По григорианскому календарю канун Нового года – это День святого Сильвестра, который был самым махровым антисемитом из всех пап.

– Ой, отвали, а!

– Да это правда!

– Ни хрена себе! – всполошилась Джесс. – В Бразилии есть уличная гонка, называется – гонка Святого Сильвестра. Мой

двоюродный брат вечно пишет об этом в «Фейсбуке»². Бесит.

– Естественно, – подхватил Пэдди, – в Бразилию перед Нюрнбергом слиняли все нацисты.

– Ты хочешь сказать, – вмешался Дил, – если я представитель избранного народа, то не должен праздновать Новый год?

– А вот в Бельгии, если женщина не успевает закончить свои домашние дела к закату в канун Нового года, то на нее падает проклятье, и она не сможет выйти замуж весь следующий год, – сменил тему Найл.

– Так себе проклятье, – фыркнула Джесс.

– А ты откуда это знаешь? – спросила Мила.

– Лина, – горько усмехнулся Найл.

Лина – бывшая Найла. Полгода назад она на ровном месте, безо всяких разборок, бросила его.

– Так, может, она поэтому и бросила тебя, – резюмировал Пэдди, – не смогла кончить в канун и решила не мучиться еще целый год.

Мы все закатились от хохота – «пельмешки» подействовали.

Повсюду горели свечи с ароматом инжира. В памяти всплывали мимолетные обрывки пустых разговоров, во время которых я постоянно ощущала присутствие Генри на мо-

² Принадлежит организации *Meta*, деятельность которой запрещена на территории РФ.

ей орбите. Вон он на другом конце гостиной, а я просто коротаю время, перебрасываясь словами то с одним, то с другим.

– Привет!

Наконец-то.

– Привет!

Пока суд да дело, мы решаем угоститься коксом на пару. Он увлекает меня в туалет под лестницей и закрывает за нами дверь. Его рука скользит по моей талии, чтобы повернуть замок, его тело нависает надо мной, и на долю секунды его губы появляются на уровне моих глаз.

– Ржавый дал, – говорит Генри. – Надеюсь, нормальный.

– Хочу танцевать, – заявляю я, пробежав по своей «дорожке».

Генри улыбается, глядя на меня сквозь длинные ресницы.

– Круто.

Вернувшись на танцпол, мы обнаружили, что народу там стало как минимум в три раза больше, чем пятнадцать минут назад. Музыка звучала громче, для разговора приходилось орать, даже стоя близко друг к другу, и народ зашевелился, кружа по площадке.

Заиграл «Коричневый сахар»³. Генри и я втиснулись в людской круговорот. Мы и раньше танцевали вместе, и у нас хорошо получалось. Вспомнилось, как Генри вытащил меня из толпы на парпет где-то на Лэдброк-гроув, чтобы я тан-

³ *The Rolling Stones – Brown Sugar.*

цевала рядом с ним. Он был идеальным партнером: время от времени брал меня за руку и кружил, оставляя мне пространство для движений, увлекал за собой и, наконец, заключал в объятия, прижимая к своему телу. Я чувствовала его запах, ощущала трепет его руки в моих волосах. Наркота расплзлась по всему моему телу. Свет от ламп стал расплываться в моих глазах.

И вдруг музыка оборвалась. Ханна вскочила на стул и зашикала на толпу. Хрипыми голосами мы начали обратный отсчет: десять, девять, восемь...

– ОДИН!

С Новым годом!

И вот знакомое и нереальное ощущение прикосновений губ Генри к моим губам. На какое-то время я потеряла его из виду, когда Мила и Джесс потащили меня с собой танцевать, но сердце мое продолжало биться так сильно, что ему просто не хватало места в груди.

Вскоре я вышла в сад и обнаружила там Генри и Дила. Попыхивая косяком, Дил что-то рассказывал, корчась от смеха.

– Над чем смеетесь? – поинтересовалась я.

Дил был уже в хлам пьян, чтобы адекватно реагировать, а Генри просто пожал плечами. Я забрала косяк у Дила и смачно затянулась, надеясь снять напряжение.

– Если хочешь, я тебя туда поселю, – сказал Генри Дилу.

– Это куда? – встряла я.

– Да моя семья владеет домом в Корнуолле. Удаленное и

тихое место. Я говорю Дилу: заселяйся, сможешь там спокойно писать.

Видно было, как Дил пытается сосредоточиться. Наконец он ответил:

– Я был бы просто счастлив. А ты это серьезно или, ну, просто так, к слову?

– Я просто так ничего не говорю, – спокойно ответил Генри и затянулся сигаретой.

– Ты лучший, Генри.

Откуда-то издалека послышались хлопки, в воздухе запахло порохом. Мы увидели, как над Лондоном вспыхнуло несколько белых звезд.

На танцполе рок-н-рольные вихляния вытеснила дикая пульсация хаус-музыки.

– Черт! – вырвалось у меня.

– Вперед! – заорал Дил и ринулся в студию, чтобы слиться с беснующейся толпой.

Генри привлек меня к себе в раскрытую полу пиджака и, укутав ею, поцеловал, на этот раз настойчиво и требовательно. Экстаз тепло и мягко наполнил все мое тело.

– Вот дерьмо, – прошипел Дил, остановившись в дверях, и повернулся к нам. – Генри, тебе не захочется на это смотреть.

Из студии доносились хохот и аплодисменты, толпа явно потешалась над каким-то зрелищем. Не имея возможности разглядеть, что там произошло, я уставилась на Генри. Он со своим ростом под метр девяносто мог послужить эдаким

человеческим перископом. И я сразу поняла, что что-то не так.

– Генри! Генри, что там? – тормошила я его.

На скулах Генри заходили желваки.

– Там Марла, – ответил он.

– Что она?

Мне удалось протиснуться сквозь столпотворение тел к центру танцпола, и я увидела старшую сестру Генри, абсолютно голую. Из-за высокого роста и распущенных волос она напоминала воздушного змея. Почти с гимнастической ловкостью она извивалась вокруг Ржавого, который и сам выглядел совершенно невменяемым.

Я обернулась к Генри и прокричала:

– Хочешь уйти отсюда?

– Да, – кивнул он, – да, спасибо.

В такси Генри положил голову мне на колени и поэтому не мог видеть блаженную улыбку на моем лице, с которой я никак не могла справиться. Он издал глухой стон, зарывшись в складки моего платья.

– Мне так стыдно за нее, – наконец заговорил Генри. – Завтра она сама ужаснется этому, и у нее может случиться настоящий нервный срыв.

Мне было знакомо это чувство. Слава богу, в этот раз оно было не моим.

– Да не переживай, – попробовала успокоить его я. – Это

Ж Новый год, все упиваются в стельку. Никто и не вспомнит.

– Кроме меня.

– Ну, хорошо. Эта картина, похоже, навечно отпечаталась на сетчатке твоих глаз. Но больше никто не вспомнит.

Он рассмеялся. Мы все еще были под кайфом.

Как только мы миновали электронные рекламные щиты на площади Пикадилли и отсветы «Кока-Колы» вперемешку с новейшими технологиями «Эппл» отплясали на моих оголенных коленках, Генри попросил водителя остановиться.

– Мы что, в клуб сейчас? – спросила я, выбираясь из такси.

Он взял меня за руку и поставил лицом к черной металлической двери, затесавшейся между огромными витринами магазинов. В руке у него позвякивала связка ключей.

– Генри, ты что, здесь живешь?

Должно быть, я десятки раз проходила мимо этого места по пути на выставки в Королевской академии, но никогда не замечала этой двери. Возможно, она появляется только в новогоднюю ночь.

Черная дверь тяжело закрылась за нами, и мы оказались в небольшом фойе. Швейцар в униформе, такой же идеально рождественский, как и гигантские медведи перед магазином игрушек «Хамли», мимо которых мы только что проезжали, приветствовал Генри: «Мистер Ташен». Я не сдержала ухмылку. Генри пожелал ему счастливого Нового года и потащил меня в просторный внутренний двор, где с каждой

стороны располагались то каменные, то деревянные стойла для лошадей.

– Прости, мы что, переместились в прошлое?

– Анахронизм восемнадцатого века, – пояснил Генри. – Престарелым рыцарям, которые здесь жили раньше, нужно было где-то держать своих боевых коней.

– Точно, – прошептала я, изо всех сил стараясь подавить в себе желание расхохотаться.

Снова бряцанье ключами, затем три лестничных пролета, покрытые ковром. Воздух слегка влажный, пахнет затхлостью.

– Вот и пришли, – сказал Генри, и я проследовала за ним в очередную дверь.

Несколько шагов – и я в Лондоне давно минувшей эпохи. Неимоверно высокие потолки, огромные окна, обрамленные метрами и метрами тяжеловесных бархатных штор. Старинная мебель, словно выставка древесных пород Англии: комоды из орехового дерева, книжные полки из вишни и дубовые столы. Единственное, что напоминало о современности, – это потрепанный провод от телефонной зарядки, нестройный ряд нескольких пар кроссовок и музыкальные колонки фирмы «Боуз».

Я переходила из комнаты в комнату, пытаюсь осмыслить увиденное, и в недоумении устроила Генри допрос:

– Почему ты здесь живешь? Ты что, шпион? Нам чуть больше двадцати, никто из нас не стал бы здесь жить.

Генри пустился в разъяснения: это здание называется Олбани, построено в конце 16-го столетия как прототип рыцарских апартаментов. Мать Генри – Кристиана – получила эту квартиру в наследство от своей тетки Беатрис, которая вышла замуж за кондитерского магната, но детей с ним не имела. Сама Кристиана предпочитает жить за городом, так что Генри получил эту квартиру в свое распоряжение просто за символическую ренту.

– Ну ты и говнюк, – только и смогла выдавить я.

– Так было задумано... – сказал Генри, но не закончил, поперхнувшись смехом.

– Ну-ну, – закивала я, изображая сарказм.

Мы оказались в спальне, и Генри включил лишь один светильник. На стене вытянулись наши тени. Плюхнувшись на кушетку, расположенную в нише у окна, он начал расшнуровывать ботинки. Какое-то время я наблюдала за ним, затем подошла и опустилась сверху, обхватив коленями его бедра. Я взяла его голову в свои руки и поцеловала. Так, как хотела бы, чтобы целовали меня.

Я не помню, как уснула. Помню, что зазвонил телефон. Генри не реагировал, похоже, не слышал. После трех мучительно громких звонков я пихнула его.

– Генри, черт возьми, – проскрипела я, – ответь на звонок.

Он с шумом глубоко вдохнул и, путаясь в простынях и спотыкаясь, выбрался из постели, как был, нагишом. Я потя-

нулась к своему мобильнику, лежавшему на ночной тумбочке с мраморной столешницей, и повернула светящийся экран к себе. Ярко-голубое пятно окончательно выдернуло меня из сна в бледную реальность предрассветных часов первого дня наступившего года. Генри принял звонок, слышался его хриплый со сна голос. У меня было пять пропущенных вызовов от Пэди. Скорее всего, он спяну звонил, чтобы отчитать меня за исчезновение с праздника. Слышался глухой стук, я обернулась – Генри уронил телефон.

– Марла умерла, – сказал он.

– Что... – только успела выговорить я, как он перебил меня:

– Моя сестра умерла.

Обхватив голову руками и рвано дыша, он заметался по комнате. От его наготы вдруг повеяло беззащитностью и нелепостью.

– Нет, не шути так, – пыталась я что-то сказать.

– Блядь, – хрипел Генри, сотрясаясь всем телом. – Блядь!

Мне хотелось подойти к нему, обнять и защитить его своим теплом, но я не могла даже шевельнуться, будто меня приковали к кровати.

– Нет, – только и могла твердить я. – Нет. Нет.

– Мне надо идти туда.

Я кивнула.

– Оставайся здесь.

Натянув на себя одежду, свой праздничный наряд, Генри

сказал:

– Я вернусь.

И ушел.

Одному богу известно, как я снова смогла уснуть. Проснулась от холода. От него у меня разболелся позвоночник. Укутавшись в халат Генри, я подошла к окну. Уже смеркалось. Я глянула вниз в глубь мощеного внутреннего двора, будучи практически уверенной, что именно сейчас увижу, как Генри возвращается ко мне.

Это неправда. Этого просто не может быть. Мы видели Марлу всего несколько часов назад. Лично я видела даже больше Марлы, чем хотелось бы: видела ее голую жопу, вихляющуюся на танцполе, видела огромную грудь, сочащуюся молоком, держала ее руку в своей – теплую, ЖИВУЮ! Умерла? Нет. Марла и до этого часто перебирала, но всегда очухивалась. Большая часть ее жизни – это жесткая вечеринка. Потребовалась бы лошадиная доза, чтобы остановить ее, – или какая-нибудь левая таблетка. Тут я подумала о Пэдди. Я должна позвонить Пэдди!

Он тут же ответил:

– Блядь, где ты?

Я слышала раньше, как он орет, но сейчас в его голосе появилось какое-то бесформенное дребезжание, от которого у меня защипало в носоглотке.

– Я у Генри.

– Поздравления, – дребезжание перекрылось ехидством.

– Пэдди, это правда?

– Она мертва, Джони. Блядь, она умерла... лежала на полу в ванной, все столпились вокруг и ничего не делали.

– Господи...

– Знаю, знаю...

– О боже...

– А где Генри?

– Ушел, нет его. Не могу сказать когда.

– А ты что делаешь?

– Ничего.

– Приходи к Ханне, ты должна быть здесь. Иди сейчас же, мы все здесь. Кроме Дила, он уехал вместе с ней на скорой, и я не могу с ним связаться.

– А почему Дил поехал?

– Дил ее нашел.

Я поняла, что не могу ничего выговорить. Перед глазами стояла картина – Дил держит безжизненную руку Марлы, сидя рядом с ней в несущемся с воем сирен автомобиле скорой помощи.

– Джони? – рывкнул Пэдди.

Я закрыла глаза. Время, которое здесь, в этом старинном здании, казалось практически остановившимся, вдруг понеслось с бешеной скоростью. Меня мутило, я была полностью дезориентирована.

– Генри... он просил меня оставаться здесь, – промямлила я.

– Дорогая, у Генри сейчас будут более серьезные заботы, чем беспокоиться о твоём местонахождении. Возвращайся. Будь с нами.

– Я должна оставаться здесь. Он просил меня, – твердила я, чувствуя, что просто необходимо делать так, как сказал Генри.

– Прекрасно, – отрезал Пэдди. – Будь на связи, – и отключился.

Я вытаращилась на экран телефона – часы показывали четыре двадцать пополудни. За окном начинало темнеть, а Генри все еще не вернулся. В одном углу комнаты, на комод, оставался включенным высоченный китайский светильник. Его тусклого света хватало лишь подсветить этот угол.

С трудом, до боли в руках, я открыла медные краны, чтобы набрать ванну, и древние трубы с присвистом засопели, подавая воду. Я подалась к единственному моему компаньону – собственному отражению в зеркале. Под глазами засохли черные потеки, губы распухли и стали малиновыми. Крошечные пятнышки блесков, оставшиеся на плечах и груди, подмигивали мне. Я разглядывала вены на груди, которые, пересекаясь, сплетаясь, образовывали что-то вроде карты вокруг солнечного сплетения. «Прямо на моем сердце», – подумалось мне, но потом я сообразила, что сердце находится под ребрами с левой стороны. Я погрузила свое тело в обжигающую воду ровно в тот момент, когда последние проблески света на небе поглотила тьма.

Я пыталась не думать о том, как Генри увидит гроб с телом сестры. Я отгоняла от себя мысли о том, как долго еще будет происходить лактация в покинувшем жизнь теле и не вздумают ли они откачать это мертвое молоко для ребенка. Я старалась не думать о том, как Дил ехал в машине скорой помощи и теперь пропал бог знает куда. Я представляла себе улыбающееся лицо Генри, его голубые глаза, смотрящие на меня из-под длинных ресниц. Господь всемогущий, сделай так, чтобы сейчас он лежал рядом со мной вот в этой парящей ванне.

Возможно, в какой-нибудь более счастливой параллельной реальности в этот новогодний день мы бы заказали себе еду прямо из ванной, а потом, облачившись в чистые пижамы, ели бы ее и с наслаждением похмелялись после вчерашнего. Задержав дыхание, я погрузилась под воду и ощутила наслаждение от наступившей тишины. Вода мягко удерживала меня в своем безмолвии.

* * *

На второй день я проснулась очень поздно. Сообщения сыпались ото всех, кроме Генри, и, что тревожило сильнее всего, не было ничего от Дила. Я выключила телефон.

Кухня, судя по всему, имела счастье подвергнуться обновлению годах эдак в шестидесятых прошлого века: сплошной линолеум и пластик. Я изучила содержимое холодильника:

остатки увядшей руколы, открытая банка анчоусов и бумажный пакетик с кофейными зернами. Обследование шкафов прибавило трофеев – пара протеиновых батончиков и липкая бутылочка с соевым соусом. Воистину холостяцкая берлога. Я заварила кофе и поняла, что не ела почти два дня.

Тишина стояла невыносимая. Я слонялась по квартире в обнимку с кружкой кофе, разглядывая наиболее необычные предметы: покрытый патиной самовар, от которого пахло подгнившими фруктами, парчовая шкатулка для украшений с ключами для отопительных радиаторов вместо драгоценностей, небольшая фарфоровая статуэтка в виде забавного попугая. На стене прямо над дверью, где могла бы уместиться и полноценная картина, висел рисунок лошади, явно нарисованный детской рукой. Цвета – серо-буро-малиновые, пропорции животного очаровательно неверные – туловище слишком длинное, а глаза явно человеческие. В нижнем углу рисунка широкой кистью весьма небрежно были оставлены инициалы – МТ. Скорее всего, это существо нарисовала Марла, когда была маленькой девочкой. Мне нужно было выпить.

В гостиной стоял отлично укомплектованный антикварный барный столик. Среди марочных коньяков и портвейнов, без сомнений, дорогущих, стояла бутылка бурбона, которую я схватила и без промедления сделала один обжигающий глоток прямо из горлышка. Сладкий напиток одновременно смягчал и согревал мое нутро приятным и живи-

тельным образом. Пустой желудок отреагировал на алкоголь мгновенно. Прихватив бутылку с собой, я снова зарылась в постель.

На третий день случился нервный срыв. Я лежала в постели и голосила. Протяжные, громкие с надрывом стенания эхом разносились по пустой квартире. Бедная, несчастная Марла! Я выкрикивала ее имя, словно надеясь, что ее призрак явится ко мне. Я снова и снова звонила Генри, но он не отвечал. Мне нестерпимо хотелось поговорить с Дилом, но молчание с его стороны действовало предостерегающе. Придется звонить Пэдди и признать, что обо мне все забыли.

Складывалось ощущение, что мир закрылся от меня. А всего лишь через пару улиц бурлила жизнь в Сохо, проникая ко мне звуками и запахами: шуршанием льда в шейкерах, ароматами жарившейся курицы. Народ отчаянно куролесил перед тем, как наступит время возвращаться на работу. Это как вдруг поселиться в другой вселенной. Даже роскошная обстановка квартиры, казалось, насмехалась надо мной, будто я принцесса, втиснутая в рамки некой изысканной картины.

Вернулся голод и присосался к моему желудку, как ненасытная пиявка. Я набросилась на протеиновые батончики Генри, давясь их подслащенной кислятиной и своими всхлипываниями. В это самое время раздался звонок телефона, заставивший меня чуть ли не выпрыгнуть из собственной кожи. «Да разве ж у кого-нибудь еще остался стационарный

телефон?!» – дико вытаращившись, думала я, мчась по коридору на звук древнего аппарата.

– Алло?

– Джони, хорошо, что ты там.

– Генри, о боже, Генри. Когда ты придешь?

– Вечером.

– Сегодня?

– Да.

– Я приготовлю ужин, ты чего хочешь?

– Да что угодно. Буду часам к семи. Если понадобится выйти, там у двери под половиком есть запасные ключи.

– Хорошо.

И он отключился.

Единственное, во что я могла одеться для выхода, – это мое праздничное новогоднее платье. Облачившись в него, я не смогла удержаться от идиотского смеха. На Риджент-стрит все еще горели рождественские гирлянды в виде светящихся контуров северных оленей, скачущих над вереницей туристических автобусов. В каждой витрине светились неоновые вывески – РАСПРОДАЖА. В магазинах было оживленно. В одной из витрин мое внимание привлек ярко-желтый джемпер, и я поняла, что запала на него, эта бескомпромиссная желтизна проповедовала веселье, чего я так жаждала. Мощная волна тепла, способного генерироваться лишь центральным отоплением, обдала меня с головы до ног, когда я вошла в магазин. Ряды вешалок с вечерними

платьями, печалившимися о том, что в эти праздники их уже не пригласят на танец. Итальянская мама что-то выговаривала своей обиженной дочери по поводу белого пальто. Повсюду были разложены груды перемеренной одежды.

Я сняла джемпер с вешалки и примерила перед ближайшим зеркалом. Сразу ощутила на себе электростатический разряд дешевой ткани, а мое отражение при резком освещении выглядело чертовски шутовским. И музыка в магазине вдруг сразу показалась слишком громкой вперемишку с женским галдежом, а воздух – очень сухим. Я стянула с себя джемпер и, спотыкаясь, выскочила на Глассхаус-стрит. Закрыв глаза, я повернулась лицом к ветру, чтобы он смахнул с него растрепавшиеся волосы и в надежде успокоиться. Вспомнились уроки дыхания от моей хозяйки-психотерапевта: на четыре – вдох, задержка на четыре и на четыре – выдох.

В супермаркете я загружала свою корзину, отдавая предпочтение свежим и здоровым продуктам, но не удержалась, однако, и от некоторых вредных ингредиентов. Мне хотелось, чтобы Генри явился к пышному пиршеству в атмосфере изобилия и спокойствия. Для основного блюда я купила стейк и картофель, к этому присовокупила разнообразную свежую зелень и бутылку красного вина. Сознывая, что на все набранное у меня не хватит денег, я решила перевести сотню фунтов со своего сберегательного вклада, ведь ситуация-то была поистине чрезвычайной. Нехитрые манипуля-

ции с банковским приложением в телефоне, и проблема решена.

Когда я выйду на работу, то смогу вернуть деньги, и родители никогда не узнают, что на наследство бабушки Хелен было совершено покушение.

Вернувшись в квартиру, я физически ощутила давление тотального запустения. Теперь обстановка показалась мне убогой, простыни на кровати – спутанными, и от всех вещей веяло затхлой сыростью. Разложив продукты, я извлекла из-под кухонной раковины моющие средства, губки, тряпки и приступила к уборке: я пылесосила, скребла и терла все подряд. Застелила постель, взбила подушки. Когда стемнело, я зажгла все светильники. *Посмотри, Генри, как я все хорошо сделала. Оцени, какой прекрасной подружкой я могла бы быть.*

Когда Генри наконец появился, я только что вылезла из ванной.

– Ты вернулся! – воскликнула я, заметив его фигуру в дверях.

Он был бледен, небрит и выглядел еще более худым, чем обычно.

– Я не слышала, как ты вошел, – затараторила я, потянувшись за полотенцем.

Он молча подошел, взял полотенце из моих рук и закутал меня, словно ребенка, прежде чем прижать к себе.

– Привет, – прошептала я, уткнувшись в его рубашку.

– Привет, – ответил он.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он заключил мое лицо в свои ладони и поцеловал, сначала мягко и нежно, затем более жестко и страстно. Скинув пальто, он стал расстегивать рубашку.

– Не нужно ничего говорить, – просипел Генри сквозь учащенное дыхание, и я повиновалась.

Спустя какое-то время мы лежали на полу в ванной комнате, и Генри наконец-то расслабился. Я чмокнула его в нос и поднялась.

– Я купила на ужин стейк, – похвасталась я, облачаясь в его рубашку.

Сохранившееся тепло его тела ощущалось как чистая нежность.

– М-м-м, – промычал Генри, лежа с закрытыми глазами.

– Я не могу оставить тебя здесь одного, валяющегося на полу.

– Вообще-то я бы принял ванну, – отозвался Генри, переворачиваясь на бок.

– Отлично, а я пока приготовлю ужин. Хочешь бокал вина?

– Да.

Я оставила Генри понежиться в ванне в компании с бокалом «Риохи», а сама принялась шинковать овощи, не обделив вином и себя. Единственная станция, свободная от помех, которую я отыскала на старом кухонном радиопри-

емнике «Робертс», транслировала какой-то фортепианный концерт – в ритме аллегро, но слух не напрягало. Постепенно кухня наполнялась паром и становилось все теплее. Масло, которое я разогревала на сковороде для приготовления стейка, вдруг вспыхнуло. От неожиданности я взвизгнула и тут же рассмеялась. Пришлось открыть окно. Ворвавшийся холодный ночной воздух принес своеобразный землистый запах, появляющийся после дождя. Этот запах называется *петрикор*, и я вспомнила, как разучивала это слово со своими подопечными детьми (Джем, что помладше, произносила его как «Пэт-трикол»⁴). Я высунулась из окна, опершись на мокрый подоконник, и ощутила, как петрикор ускользает от меня, в то время как я пыталась удержать его глубокими вздохами. Окна кухни выходили на север, и я устремила свой взор поверх крыш в том направлении, где находилось мое жилье, представляя, как в раковине по-прежнему стоят невымытые фужеры, а на полу валяются клубком мои колготки. Как бы мне никогда туда не возвращаться?

– Как вкусно пахнет, – подал голос Генри.

Вскоре он появился в халате с персидскими узорами из «огурцов» и, подойдя сзади, уткнулся лицом мне в шею.

– Я закрою, а то здесь холодно, – сказал он и опустил створку окна.

⁴ Здесь непереводаемая игра слов: Пэт-трикол состоит из двух английских слов и в буквальном переводе означает – Любимец-патока, что может интерпретироваться как – «Любимец сладенький» или «любимая сладость».

Ели мы молча, погружившись в процесс нарезания и пережевывания пищи. На фоне скрежета и бряцанья столовых приборов о фарфор мне ужасно резали слух звуки моего собственного жевания. Закончив, Генри встал и отнес свою тарелку в раковину и так и остался стоять ко мне спиной. Вино кончилось.

– Как дома? – спросила я.

Он молчал, лишь голова поникла. Затем плечи стали еле заметно подергиваться. Он смеялся. Наконец, потеряв лоб рукой, он со стоном выдохнул и ответил:

– Да хреново, как еще.

– Сочувствую, – проямлила я, таращась на его затылок. – А что конкретно?

Генри снова взял паузу и принялся мыть тарелку. Я машинально начала ковырять кутикулу большого пальца на руке.

– Ненавижу, когда родители собираются в одном доме, – снова заговорил Генри. – Они как будто соревнуются, кто горюет сильнее.

Я хихикнула. Он не поддержал.

– Твои братья тоже были? – поспешила спросить я.

– Да, – проронил Генри и, обернувшись в пол-лица, попросил: – Свернешь нам по сигарете? У меня в пальто все есть.

– А, да, конечно.

Я сходила в ванную, подняла с пола пальто, вернулась и повесила его на угол кухонной двери. Извлекла из кармана

табак, бумагу, фильтры и скрутила нам по сигарете.

– Придется мне с твоих рук дымить, – сказал Генри, нямывая посуду.

Я присела рядом, прикурила обе сигареты и, потягивая одну, другую подносила к губам Генри.

– Как братья справляются-то? – возобновила разговор я.

– Не знаю. Старший, Ник, он странный и скрытный.

– А младший? Как его зовут?

– Эд.

Я знала, что Эд Ташен был самым младшим, родился спустя почти десять лет после Генри. Ходили слухи (от Пэдди), что этот ребенок был последней отчаянной попыткой родителей Генри спасти свой брак.

– В первую ночь Эд пришел ко мне в комнату весь в слезах, – продолжил Генри.

– Черт, – проронила я.

– Он сказал, что понял теперь, что он совсем ее не знал. Она же на двенадцать лет его старше. К тому времени, когда Эд стал ходить и только начал говорить, она уже практически жила в Лондоне.

– Ага, – поддакивала я.

– Ну вот, – Генри кивнул мне, давая понять, что хочет затянуться. – Марла, – выпустив дым, продолжил было Генри, но осекся и громко откашлялся. В его кашле явно чувствовалась агрессия. – Ее исключили из школы в шестнадцать лет, и никто не знал, что с ней делать. Папа к тому времени

практически не жил дома, а мама просто опустила руки. Я думаю, она устала тянуть лямку плохого полицейского. Так что они позволили ей свалить и жить в этой квартире.

– В шестнадцать лет?

Я окинула взглядом неброскую кухню и попыталась представить, как подросток Марла здесь обитала – готовила себе еду, читала журналы, красила ногти на ногах.

– Видели мы ее только тогда, когда она заявлялась, без всякого предупреждения, за деньгами. Обычно под кайфом и всегда с новым мужиком.

– Жуть.

– Ага. Ну так вот, заявляется ко мне посреди ночи Эд весь в соплях. – Генри вздохнул. – Ну, я его успокоил кое-как, и тогда он объяснил, что плачет, потому что чувствует себя виноватым.

– Виноватым? Типа, вина живого перед умершим?

– Нет, – спокойно ответил Генри. – Потому что на самом деле он не любил Марлу.

Я не знала, что и сказать. Ведь все мы должны были признаться в том же самом. И теперь наше умалчивание показалось мне смертным грехом.

Рукава халата Генри намокли, а он продолжал утирать лицо тыльной стороной ладони, размазывая по щекам мыльную пену.

– Еще он сказал, что порой желал ей передоза.

– Что? – обомлела я. – И что ты сказал?

– Сказал, что понимаю его, – ответил Генри, закрыл воду и забрал у меня свою сигарету, а я ощутила легкий укол огорчения, что больше не поднесу к его губам свои пальцы.

– Она же превратила жизнь нашей семьи в сплошной кошмар, Джони. Переспала с половиной моих друзей. Если посреди ночи раздавался телефонный звонок, значит, это из клиники или полицейского участка. В принципе, это и добило брак наших родителей.

– Но это ж, я полагаю, не только из-за нее, да?

Генри глубоко затянулся остатком сигареты и ничего не ответил. Так мы и стояли молча некоторое время. Я даже не знала, хочет ли он, чтобы я оставалась здесь с ним.

– Пошли в кровать, – наконец сказал Генри.

Я подняла на него взгляд, на темной щетине все еще блестели капельки воды. Я действительно крепко запала на него.

– А пойдем, – сказала я.

Генри трахал меня как солдат, вернувшийся с войны. Последующие несколько дней мы были заняты только этим. Мне было стыдно признаться, что ощущение того, как я сейчас нужна Генри, доставляло мне большее наслаждение, чем секс с ним. Я позвонила Терри, этой доброй и чудаковатой мамаше детишек, с которыми я нянчилась, и попросила выйти на работу на день позже, так как иду на похороны. А когда я сказала, что скончалась моя подруга, она отпустила меня на всю неделю. Я написала всем, кроме Дила, что смогу увидеться с ними только в церкви. От него по-прежнему не было никаких вестей, и я, изо всех сил игнорируя омерзительное чувство вины, продолжала убеждать себя, что это знак того, что он не хочет общаться. Но, по правде сказать, я бы не смогла встретиться с ним, если бы он объявился. Ведь тогда мне пришлось бы вылезти из кровати Генри, покинуть упоительный альков его неумемного желания, где мы только и делали, что спали, трахались и время от времени выбирались на кухню за тостами. Генри часто плакал – просто рыдал в голос, – и я не знала, что мне делать. Иногда я просто обнимала его и молча гладила по волосам, иногда начинала целовать, и, как правило, это приводило к сексу. Вечером накануне похорон мы сидели на кухне и пили какао. Из одежды на нас были только шорты, которые мы в течение дня то

снимали, то надевали.

– Завтра утром все соберутся здесь перед церемонией, – сказал Генри.

– Кто? – спросила я, чуть не поперхнувшись глотком горячего напитка.

– Моя семья, – ответил Генри, не отрывая взгляда от своей чашки.

– Ах да! Точно, – спохватилась я и зачем-то прикрыла рукой обнаженную грудь. – Я пойду домой тогда.

– Да нет, зачем. Ты можешь остаться, они не будут против.

– Я уверена, Генри, что будут.

– Нет, просто...

– Все нормально. Мне все равно нужно переодеться.

– А что с твоим платьем?

– Ты имеешь в виду мое новогоднее?

– Ну, оно черное.

Я улыбнулась в ответ.

– Да все правильно. Я пойду домой. Вам всем надо утром собраться, а мне здесь не место.

– Наверное.

Я опустила свою чашку в раковину и пошла собираться. Генри поплелся за мной в спальню.

– Вызову тебе такси, – сказал он.

– Да не надо, я на метро доеду.

Но он уже достал телефон и, похоже, делал заказ.

– Какой у тебя адрес?

Я замешкалась:

– Квадрант-гроув, семь.

– Будет через семь минут, – сказал Генри, закрывая приложение.

– Здорово.

Через какое-то время мы вышли на улицу и стали ждать такси. Я чувствовала себя так, будто меня без разговоров вышвырнули из фантастичной Нарнии. К тому же сразу разболелись ноги, отвыкшие от каблучков.

– Генри? – спросил таксист, открыв окно.

– Да, спасибо, – ответил Генри, открывая дверь. – До завтра, – сказал мне и склонился для поцелуя – быстрого и формального.

Он вытянулся так, будто старался как можно дальше держаться от меня.

– Пока, – обронила я.

Генри захлопнул дверь. Автомобиль покатил по улице.

– Вечер добрый, как поживаете? – приветствовал меня таксист.

– Отлично, спасибо, – отозвалась я, отвернувшись к окну.

Слезы застили мне глаза, размывая название ювелирных магазинов на Брутон-стрит. Я достала телефон и наконец-то написала Дилану:

**Завтра увидимся??? Надеюсь, у тебя все хорошо.
Фил.**

– На Рождество получили что-нибудь особенное?

Я отвлеклась от экрана телефона и перехватила взгляд водителя в зеркале заднего вида.

– Ой, да ничего особенного. Все как обычно. А вы?

– О, миссус преподнесла нам... ой, как это вы называете? Премиум-подписку. Там куча всего.

– Да, это здорово.

– Ага! Так здорово. У вас есть?

– У меня? Э-э, нет, у меня нет.

– Заведите. Классная вещь, – твердил таксист.

Не найдясь, что ответить, я решила просто улыбаться, но, сообразив, что таксист меня не видит, передумала.

Лондон сиял. Когда мы вывернули на Парк-лейн, я опустила стекло. Из-за деревьев Гайд-парка доносились визг и смех с аттракционов ярмарки «Зимняя страна чудес», которая будет открыта все двенадцать дней рождественских праздников. Затем за окном потянулись умопомрачительные дома Риджентс-парка; состоятельные семьи, набив животы шоколадом, возлежали перед телевизорами. Я потерялась в окнах жилищ других людей: плетеные абажуры, забитые книгами шкафы, безупречные жизни. На Хейверсток-хилл была пробка.

– Уже почти приехали, – со вздохом оповестил меня таксист, будто я не ведала, что мы находимся за несколько улиц от моего дома.

На крыльце Королевской социальной больницы стояли пациенты в белых халатах, наброшенных на мешковатые больничные пижамы, и курили. А вдруг сюда скорая привезла Марлу? Я стала прикидывать, не ближайшая ли к дому Ханна здешняя станция экстренной медицинской помощи? Моему взору открывалось здание станции, желтые окна палат складывались в своеобразную мозаику. Оставалось надеяться, что никому не пришлось встречать Рождество в этих стенах.

Дома было тепло и тихо. Моя арендодатель, Фиона, большую часть зимы гостила у своей дочери в Австралии. Я отправилась на ее кухню, которая была намного больше и чище кухонного уголка в моей студии, оборудованного лишь микроволновкой и мини-баром. Открыв холодильник, я на пару минут повисла на массивной дверце, тараща на содержимое. Завтра похороны. Шестые в моей жизни. Пятыми были похороны моей бабушки Хелен, чье наследство я раскупила несколько дней назад. До этого мы похоронили моих дедушек. (Мамина мама еще жива и пребывает в доме престарелых в Херрагейте.) Была еще девочка моего возраста в школе, которая умерла от кистозного фиброза, но я ее едва знала. А вот первыми были похороны младшего братика Дила. Я захлопнула дверцу холодильника. На столе в строгом симметричном порядке лежали разнокалиберные коробочки, аккуратно завернутые в праздничную упаковку, – рождественские подарки, которые Фиона получила от своих кли-

ентов, — и, без сомнения, в них были шоколадные конфеты. Я прихватила пару коробочек с собой с расчетом купить такие же до того, как Фиона вернется, — хотя в любом случае она бы не возражала. Приняв душ, я забралась в постель в компании коробки конфет и ноутбука, на котором запустила американский ситком, но вскоре отвлеклась на телефон, разглядывая фотографии в сети, на которых люди баловались наркотой или резвились на песчаных пляжах, — они прекрасно проводили время, пока мне оставалось лишь забыться сном.

Когда раздался звонок домофона, за окном было темно, персонажи сериала заметно постарели, а телефон все еще находился у меня в руках. Звонок повторился. Я глянула на телефон — четыре пропущенных вызова от Дила. Время — 3:25 утра.

Поднявшись с кровати, я поплелась к домофону.

— Дил?

— Фил, привет. Извини, что беспокою, я могу подняться?

— Да какого черта?

— Я звонил, но ты не отвечала.

— Так я сплю.

— Извини, могу войти?

— Ты под кайфом?

— Нет. Уже нет. На улице реальный дубак, Фил!

Со стоном я нажала кнопку домофона. Оставив дверь приоткрытой, я вернулась в кровать. По неровной поступи, которой Дил взбирался по лестнице, я убедилась, что он все

же под кайфом или как минимум пьян.

– Фил! – излишне высокопарно прошептал он, подкрадываясь в потемках к кровати.

– Я сплю, Дил, – отозвалась я, не открывая глаз.

– Ну, извини, извини. – Было слышно, как он переминается с ноги на ногу. – Я был у Найла, потом решил пойти домой, а оказался здесь.

– Ты пришлепал из Воксхолла? Да что случилось-то?

– Ничего, мы выпивали, потом он пошел спать. А я не мог уснуть, ну, знаешь, всякие мысли. И тогда решил прогуляться. Я оставил ему записку. И знаешь, это была великолепная прогулка.

– Ложись спать.

– Ага. Сейчас, подожди.

Я слышала все: как он прокрался в ванную, как прикрыл за собой дверь, как включил воду и как потом выругался по поводу ее температуры, залезая под душ. Я уже снова засыпала, когда он полез на кровать, задержав дыхание, стараясь не разбудить меня своим сопением. Такое истязание собственного организма в угоду мне вызвало у меня жалость. Я прильнула к нему, устраиваясь поудобнее в изгибах его фигуры, так хорошо мне знакомой. Его жилистое тело все еще сохраняло тепло горячего душа, и запах алкоголя смешивался с жасминовым ароматом моего мыла.

– Фил, – прошептал он.

– Что?

– Как там Генри?

– Завтра расскажу.

– Хорошо.

– А ты как? – спросила я.

Он вздохнул, потом поцеловал меня в макушку и прошептал:

– Я в порядке.

Утром я металась по комнате, примеряя разную одежду, а Дил сидел на кровати и пил крепкий кофе.

– Первый прикид был ничего, – сказал он, потягиваясь.

– Нет, слишком распутно. Я хочу понравиться матери Генри.

– Но у вас же не свидание, Джони.

Странно, он с детства не называл меня этим именем. Я приняла это за показатель крайней степени похмелья.

– Кстати, а в чем ты собираешься идти? – спросила я, снимая брючный костюм. – Ты принес что-нибудь с собой?

– А это совершенно незачем, – ответил Дил. – Мы для них невидимки, подруга. Никто на нас даже не взглянет.

– Все будут пялиться только на тебя, если заявишься в окровавленных джинсах.

– Знаешь, мать Генри совершенно игнорировала меня в госпитале. Будто меня там и не было.

Я даже отвлеклась от поиска колготок в комоде:

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Наверное, она просто не поняла, кто ты... Ну, в том смысле, что ты там делал. К тому же, – я вдруг поперхнулась, и это прозвучало так, будто я то ли охнула, то ли хихикнула, – ее дочь только что умерла. Может, не стоит от нее ждать любезностей?

– Она и медперсонал не поблагодарила.

– Ну, привет, – хмыкнула я, снова зарываясь в комод, – Марла уже умерла – за что благодарить-то.

– Но они же пытались ее спасти, разве нет? Да она просто... – Дил умолк и пожал плечами. – Да все они такие. Титулованные. Генри – нет, но все остальные – да. Пафосные придурки.

Я подошла и положила руки ему на плечи.

– Сегодня не тот день, товарищ, – улыбаясь, сказала я, но он не поднял взгляда. – Может, тебе хотя бы черное пальто надеть, а? Наверное, у Фионы найдется что-нибудь подходящее.

Перед уходом мы перекусили сухими хлопьями. Я переборщила с макияжем, а Дил в черном женском пальто из восьмидесятых с подкладными плечиками выглядел шикарно, что меня раздражало.

Нам нужно было проехаться на автобусе до метро, затем с пересадкой с одной ветки на другую и, наконец, пешком до чудного сквера в Челси. В конце пути я поймала себя на мысли, что на протяжении всей поездки вела монолог о Ген-

ри. Дил лишь невнятно бурчал в ответ и, похоже, сдерживал рвотные позывы. На пути к церкви мы миновали компанию в черных одеждах. С несколькими знакомыми я обменялась скорбными приветствиями. Дил сердито следил за моими реверансами. Неподалеку на тротуаре курили Пэдди и Найл. В длинных пальто и шарфах они выглядели привлекательно.

– Привет, милашки, – сказал Пэдди, целуя меня в щеку и крепко сжав плечо Дила. – Адская вечеринка.

– Дай курнуть, – сказала я, обнимая Найла.

– Что с тобой случилось ночью? – обратился он к Дилу, протягивая мне пачку «Мальборо».

– Дурные сны, – кисло улыбаясь, ответил Дил.

– Ну а вы как? – поинтересовалась я.

– Потряхивает слегка, – сказал Найл.

– Вот. – Пэдди запустил руку во внутренний нагрудный карман пальто и вынул серебряную фляжку.

Мы все сделали по глотку перед тем, как войти в церковь.

Мила и Джесс были уже там, расположившись посередине зала. Мила выглядела крайне серьезной, а Джесс – чрезвычайно очаровательной. Я присоседилась к ним на узкой скамье, приобняв обеих одной рукой. Орган заиграл похоронную мелодию.

– Все хорошо? – спросила Джесс.

– Нормально. А вы?

Мы обменялись еле заметными улыбками и придвинулись

поближе друг к дружке, чтобы согреться.

Я огляделась в поисках Дила и увидела его вместе с Пэди и Найлом в заднем ряду. Впереди я разглядела мать Генри – Кристиану. Она сидела с непроницаемым лицом рядом с пожилой женщиной, как я поняла, – бабушкой Генри. По другую сторону прохода стоял отец Генри со своей смазливой второй женой. Я понаблюдала, как он пожимал руки приглашенным и благодарил за то, что они откликнулись, причем брал их руку в обе свои. Основываясь на личном опыте (правда, скромном), я бы сказала, что Генри скорее фантазировал, рисуя отца главным злодеем своего детства. По мне, так он больше походил на добродушного, слегка солдафонистого метрдотеля.

Под женскими шляпками угадывались знакомые лица. За вычурной миниатюрной вуалью пряталась Ханна. Рядом с ней сидела Сесили Симмонс, которая обращала на себя внимание большинства морщинистых старикашек. Несколько задних скамеек занимала пестрая компания молодежи чуть постарше нас. Я так поняла, что это были друзья Марлы по тусовкам. У всех был какой-то желтушный вид, а от их дубленок и накидок а-ля рыболовная сеть веяло затрапезной романтикой. «Кто же из них мог быть отцом Беара?» – прикидывала я.

Орган смолк. Все встали и повернулись к открывшимся дверям. Я посмотрела поверх толпы и увидела Генри. Вместе со своими братьями и еще парой мужчин, которых я не

узнала, он нес на плече гроб, склонив голову и подняв одну руку для равновесия. Промежутки между несущими гроб заполняли венки из белых роз и лилий. На крышке гроба из цветов было составлено слово, которое я не смогла разобрать со своего места. Когда процессия двинулась вперед по проходу, зазвучала молитва «Радуйся, тело истинное»⁵. Генри должен был пройти прямо мимо меня. От перспективы по-пасться ему на глаза меня передернуло.

– Мы можем поменяться местами? – прошептала я Миле и оттеснила ее, прежде чем она успела что-то сказать. Когда гроб проносили мимо нас, я увидела, что Генри побрился. Он по-прежнему не поднимал головы и смотрел себе под ноги. Когда они опускали гроб с плеч и устанавливали перед алтарем, стало понятно, сколько усилий требовалось, чтобы удерживать его на плечах в горизонтальном положении. Я даже покачнулась, словно ощутила на себе вес этого лакированного деревянного ящика с человеческим телом внутри. После того как гроб надежно укрепили на положенном постаменте, я смогла прочесть слово на крышке, выложенное из бутонов роз, – МАМОЧКА. Генри с братьями заняли места рядом с Кристианой.

Музыка прервалась. Поднялся священник.

– Давайте встанем и исполним первый гимн: «Господь – пастырь мой».

Все встали, и орган снова заиграл. Тщедушный хор голо-

⁵ Имеется в виду католическая молитва Ave Verum Corpus.

сов прихожан не мог достойно противостоять силе звучания органа.

Господь – пастырь мой, я не буду
ни в чем нуждаться.
Он покоит меня на злачных пажитях.

Мила пела так красиво, что я постаралась петь как можно тише.

Если я пойду и долиною смертной тени,
Не убоюсь зла,
Потому что Ты со мной.

По неподвижным плечам Кристианы Ташен я понимала, что она не поет, а просто держится за руку своего старшего сына Ника и смотрит строго перед собой.

Так благость и милость
Да сопровождают меня
Во все дни жизни моей,
И я пребуду в доме Господнем многие дни⁶.

Священник сошел с амвона и встал перед алтарем лицом к нам. Руки его безжизненно свисали вдоль туловища, он силился изобразить на лице скорбное сочувствие.

⁶ Ветх. Завет, псалом 22.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы воспеть жизнь Марлы Люси Ташен, забранную от нас так скоро. Богу угодно, чтобы она была рядом с ним.

Далее он стал развивать все в том же духе. Упоминая о сибаритском образе жизни Марлы, он ловко пользовался различными эвфемизмами и упирал на то, что ее смерть произошла по «воле Божьей». Я занялась своей кутикулой иковыряла ее до тех пор, пока Мила не пихнула меня в бок.

– А сейчас брат Марлы Николас вспомнит о своей сестре.

Ник освободился от цепких рук матери и направился к кафедре. Его можно было бы считать красавцем: высокий, с характерным гэльским телосложением Ташенов, но вот лицо... складывалось впечатление, что оно состоит из нескольких различных типов, которые никак не подходят друг к другу. Я пересекалась с Ником несколько раз, причем последний раз он заявил, что видит меня впервые. Голос его зазвучал как-то пародийно вкрадчиво.

– Сегодня я обращаюсь к вам от лица моей скорбящей семьи, – начал он и глубоко вздохнул. – Марла! Сегодня нам выдался шанс поблагодарить тебя за то, как ты скрашивала нашу жизнь, хотя на это тебе было отпущено совсем мало времени. Мы всегда будем чувствовать себя обделенными из-за того, что ты ушла от нас такой молодой. Но мы должны быть благодарны просто за то, что знали тебя.

Кристиана приглушила всхлипывания носовым платком.

– Только теперь, когда ты ушла, мы по-настоящему оце-

нили то, чего лишились. Твоя жизнерадостность и твоя безграничная энергия, которую ты едва могла сдерживать, передавались всем и везде, где только ни загорались твоя улыбка и искры твоего веселья.

Позади меня раздался громкий кашель, с характерным знакомым тембром. Я обернулась и увидела Пэдди. Склонив голову, он натужно хрипел, стараясь вынуть салфетку из пластиковой упаковки.

– Марла и я самые старшие в нашей семье, поэтому в детстве много времени мы проводили вместе. По сути, она так и осталась моей озорной младшей сестренкой, которая дралась со мной в школе и неизменно развлекала меня всю дорогу во время наших долгих поездок на автомобиле. Никогда она не изменяла себе.

Скамья была очень жесткой и высокой, годной лишь для того, чтобы на нее можно было вскарабкаться, как на насест. Зато я могла видеть макушку Генри, которую всего сутки назад наблюдала между своих ног.

– Я хотел бы закончить свою речь, поблагодарив Бога за то скромное милосердие, которое он оказал нам в это страшное время. Марла оставила после себя сына, который никогда не будет знать своей матери. И я прошу всех, кто знал Марлу, постараться передать ему, когда он подрастет, нашу память о том, каким замечательным человеком была его мать. Спасибо.

Волна вздохов прокатилась по церкви. Макияж жестко

сковывал мое лицо, а от глотка из фляжки Пэдди меня клонило ко сну.

Снова взял слово священник.

– Спасибо, Николас. Какое теплое посвящение. А сейчас послушаем стихотворение, которое близкая подруга Марлы Сильвия посвятила этому скорбному событию.

– Господи, – прошептала Джесс.

Сильвия поднялась на кафедру и откашлялась, прочистив горло.

– Жизнь! – начала она громко с нажимом.

Затем сделала паузу, окинув взглядом весь зал, и выкрикнула:

– Прошла! – теперь она смотрела прямо на нас.

Я отвела взгляд.

– Любовь! – вопила Сильвия. – Вечная нота!

Зал ощутимо напрягся.

– Дочь. Сестра. Мать. Друг. Не иссякнет светлый лучик вдруг.

Слева от меня слышались странные звуки. Это Джесс, уткнувшись лицом в ладонь, пыталась задавить смех. Ее грудь колыхалась. В отчаянье она повернулась ко мне, слезы истерического хохота набухали на нижних ресницах. Это оказалось крайне заразительно. Я уронила голову на грудь, смех раздирал меня, от усилий сохранять тишину у меня свело живот. Мила продолжала внимательно слушать Сильвию, но челюсти ее заметно сжались.

– Лети, извечный мотылек! – изрекала Сильвия, запрокинув голову и мечась взглядом по потолку. – Взмахни! – гнусавый голос Сильвии сорвался.

Похоже, ее глубоко тронули собственные слова. Лицо Милы исказилось.

– Взмахни крылами!

Теперь мы уже втроем, скукожившись, тряслись от беззвучного смеха так, что дрожала скамья.

– Извините, – прохрипела Джесс, обращаясь к паре, сидевшей по левую руку от нее.

Тем временем в стихотворении Сильвии появился бит, она практически читала рэп, активно помогая себе руками. Мила так сильно сжимала мое запястье, что у меня на коже отпечатались следы от ее холеных ногтей. Когда декламация наконец завершилась, с задних рядов раздались жидкие аплодисменты друзей Марлы.

– Ну, хоть кому-то понравилось, – сказала Джесс.

Поминки собирали в квартире отца Генри, в паре кварталов от церкви. Мы всей толпой двинулись туда. День выдался прохладным и ярким, солнечные лучи отражались от белых домов Челси. Я шурилась, глядя на них, и курила, глубоко затягиваясь. Под это сияние я вдруг вспомнила лицо Генри, когда он нес на плече гроб своей сестры. Нежданные слезы навернулись на глазах. Смерть Марлы, без вопросов, была трагедией, но жалость я испытывала к нему, к Генри, который, я знала точно, ни за что не опустил бы гроб со сво-

их плеч, если бы это могло хоть что-то изменить.

– Я извиняюсь, – сказал Пэдди, сделав глоток из своей фляжки, – но неужели больше никто не заметил чудовищный плагиат в речи Ника Ташена?

– Что? – переспросил Дил.

– Мне показалось, прозвучало довольно мило, – сказала Мила, забирая у Пэдди фляжку.

– Никому ничего не напомнило?

Мы дружно помотали головами.

– Эх вы, натуралы!

– Алле! – возмутилась Джесс.

Пэдди отпустил в ее сторону воздушный поцелуй и продолжил:

– Эта речь практически слово в слово слизана с речи Чарльза Спенсера, которую он толкнул на похоронах принцессы Дианы.

– А как будто похоже, – призналась Мила.

– А как будто ты ее помнишь, – съязвила Джесс.

– Вот попомните мои слова, он просто погуглил в сети «траурная речь брата на похоронах сестры», первое, что выскочило, скопировал и распечатал это дерьмо.

– Ну, скажем, ему досталась совсем уж не простенькая задачка, – примирительно сказал Найл.

– Ой, да пошел ты, Найл. Хватит тащиться от этого дешевого пафоса.

В это время мы нагнали группу людей, тоже идущих с по-

хорон, они разом обернулись и холодно посмотрели на нас.

В доме повсюду стояли прыщавые подростки с бокалами красного и белого вина на подносах, а стол был заставлен тарелками с треугольными сэндвичами и слоеными рулетиками с мясом.

Квартира Роба Ташена располагалась на втором этаже четырехэтажного дома в георгианском стиле, светлая и скромно обставленная. Жилище без детей. Широкий арочный проем отделял кухню от огромной гостиной, где высокие створчатые окна выходили на улицу. Я огляделась в поисках Генри, но его нигде не было, как и остальных Ташенов, впрочем. Дил, зная мои предпочтения, протянул мне бокал красного вина, и мы уселись на один из плюшевых диванов.

– Какая-то чушь собачья, – проворчал Дил.

Я откинула голову на высокую спинку дивана и лениво созерцала происходящее вокруг нас. Сесили Симмонс упорно сверлила нас взглядом.

– Терпеть не могу всю эту бредятину о «Божьей воле», – не унимался Дил. – Ей было всего двадцать девять. Нет здесь никакой «Божьей воли» – это была трагическая случайность.

– А где ребенок-то? – спросила я. – Весь день его нигде не было видно.

Дил пожал плечами. Мы потягивали вино, привалившись друг к другу, и я ощущала тепло его тела. Сесили перехватила мой взгляд и стала пробираться к нашему дивану.

– Шухер, – прошептала я, прикрываясь своим каре.

– Привет, Дилан, привет, Джони. – Сесили склонилась и, поцеловав нас по очереди в щеку, присела рядом на оттоманку. – Печальный день, да?

– Ага.

– Мне так жаль ее родителей.

– Ясно дело.

– Она была единственной дочкой среди сыновей.

– Ага.

– Ты как? – Сесили целиком переключилась на Дилана. – Это было так смело – сесть к ней в скорую.

Дил убрал ногу с ноги и уселся поглубже на диване.

– Да ладно. Чего сейчас об этом говорить.

– Не каждый решился бы на такое. Наверное, ужасно было?

– Честно сказать, я и не помню ничего. Помню только, подумал, что она не должна оставаться одна.

– Ого.

Дил наклонился вперед, опершись локтями на колени. Без его тепла я сразу ощутила, как в комнате холодно.

– Отлучусь в одно местечко, – сказала я.

В ванной комнате я долго держала руки под горячей водой, надеясь, что тепло распространится на все мое тело. Голоса гостей за дверью сливались в общий низкий гул.

Я присела на унитаз, чтобы проверить телефон.

В общем чате нашей компашки было сообщение от Джесс:

А мы можем пойти перекусить, пожалуйста!

И СМС от мамы:

Сегодня по телику «Добрый доктор»! «Би-Би-Си Один», в 21:00.

Ручка двери задергалась.

– Извините, секундочку! – я посмотрелась в зеркало, вытерла остатки туши под глазами и открыла дверь.

Это была Кристиана Ташен.

– Здравсьте! – выпалила я. – Соболезную и сожалею о вашей потере. Мы виделись с Марлой на Новый год. Служба была просто прекрасной.

Кристиана зашла в ванную и захлопнула дверь.

Я поплелась обратно в гостиную в надежде найти дружескую руку, на которую могла бы опереться. Сесили уже сидела рядом с Дилом на диване и хихикала над его разглагольствованиями, прикрываясь ладонью. Следующим в ход пойдет молескин со стихами. Тут я увидела Генри, он разговаривал с одним из тощих старичков. И вдруг меня словно молнией ударило, я поняла, что передо мной совершенно незнакомый человек. У Генри было настолько красивое лицо, что оно часто служило ему непроницаемой маской, но в тот момент некие эмоции явно овладели всеми его чертами. Об этом кричали его глаза, каждая пора его кожи. Что же это

было? Я уже собиралась уходить, когда Генри наткнулся на мой взгляд. Он резко вскинул подбородок, словно ретивый конь, подзывая меня. Я одним глотком осушила свой бокал и подошла.

– Джони, это мой дядя Лохлан, – представил нас Генри.

– Здравствуйте, – сказала я, протягивая руку.

Старикан проигнорировал мой жест, подошел и поцеловал в обе щеки. От него несло хересом, и какое-то время я чувствовала на коже оставленные им холодные мокрые пятна.

– Вы подруга Марлы, не так ли? – спросил дядя Лохлан.

Его голос напомнил мне голос моего школьного директора: педантичный, пропущенный через нос.

– Хм, да. Правда, скорее друг Генри, но в какой-то мере и Марлы.

– Всего лишь друг, а? – Старикан пихнул локтем Генри, который, похоже, где-то витал.

– Соболезную и очень сожалею о вашей потере, – забубнила я. – Вы со стороны семьи Ташен или...

– Боже упаси, – гаркнул дядюшка Лохлан. – Я брат Крисси.

– Ах да, точно! – поспешила исправить оплошность я, подумав, что могла бы сама догадаться.

У него были такие же соломенного цвета волосы, как и у Кристианы. Во всем облике не угадывалось даже и намек на ту мягкость и теплоту, которой обладал отец Генри. Я взгля-

нула на Генри – ничего общего.

– А у тебя потрясающие сиськи, – огорошил дядя Лохлан неожиданным признанием, скалясь в свой бокал с хересом, да еще с такой бунтарской гордостью на физиономии, будто он один осмелился высказать замалчиваемую правду.

– Господи, Лохлан, – поморщился Генри, вперив взгляд в пол.

Я попыталась рассмеяться, но получилось нечто похожее на мяуканье.

– Пойду подзаправлюсь, – сказала я, глупо жестикулируя пустым бокалом.

Избавившись от бокала и махнув рукой на Дила, который продолжал свой флирт на диване, я выскочила наружу. Там уже собрались все наши и пускали по кругу тонкий косячок Милы.

– А вот и ты! – улыбнулся мне Пэдди.

– А вот и вы! – улыбнулась я всем в ответ. – Дил попался в сети Сесили Симмонс, а меня сально домогался дядюшка Генри.

– Фу, это тот старикан, что стоял с Генри? – поинтересовалась Мила. – Я не почувствовала от него позитивной энергетики.

– Да уж, – согласилась я. – Тьфу на него. А не пойти ли нам лучше перекусить, а?

– А Дила не будем ждать? – спросил Найл.

– Что-то подсказывает мне, что он не хочет, чтобы его

ждали, — завершила я всех. — Так что пошли.

В итоге мы вернулись в квартиру Найла. Он заказал на всех индийской еды, а по пути мы прикупили пару бутылок виски. Найл был из богатой семьи и сам зарабатывал больше всех из нас, поэтому он единственный жил без соседей (моя студия не в счет — потому что я и была соседкой).

Квартира Найла была совершенно лишена вкуса. То есть это не значит, что у него был плохой вкус, нет, просто у него отсутствовал всякий вкус. Квартира располагалась на шестом этаже современного многоэтажного дома из стекла и бетона, жильцы которого имели право пользоваться общим спортзалом, гаражом и зимним садом на крыше. Насколько я поняла, эта невыразительная и функциональная обстановка досталась Найлу вместе с недвижимостью. Голые стены — украшенные двумя черно-белыми фотографиями африканской саванны. Такие же голые бетонные полы. Кухня под гранит, гостиная в коже, а ванная оштукатурена. Окна от пола до потолка с выходом на северо-восток прямо на реку. Один раз в неделю к Найлу приходила уборщица, а если он устраивал вечеринки, то и пару раз в неделю. В общем, это было бы последнее жилье, которое я выбрала бы, будь у меня доходы Найла. Однако сегодня такая обстановка действовала успокаивающе и совсем не раздражала.

— Какой мрачный день, — загадочно выразился Пэдди, когда мы входили в квартиру.

Скинув обувь, мы остаток вечера посвятили поглощению

огромного количества дал с лепешками наан, запивая их остроту виски. Кто-то включил гигантскую плазменную панель Найла и выбрал именно тот сериал, под который я уснула прошлой ночью. Пэдди нагуглил речь Чарльза Спенсера на похоронах принцессы Дианы и зачитал ее нам, подражая (очень точно) манере Ника Ташена. Из огромных окон открывался панорамный вид на Лондон. Небо над городом представляло собой своеобразную радугу, где голубой цвет переходил в молочно-лавандовый, который, в свою очередь, трансформировался в жутковато-оранжевый, и все это подпирал черный. Дил так и не появился.

Где-то ближе к полуночи Джесс и Пэдди засобирались уходить.

– Кому-то завтра с утра на работу, – с легкой укоризной сказала Джесс. – Доброй ночи, любимые мои.

– Чао, дорогуши, – попрощался Пэдди. – Надеюсь увидеть всех вас на своем спектакле.

Остались Мила с Найлом и я плюс закадровый смех из телевизора. На протяжении всего вчера Мила и Найл неуклонно сближали свои тела и наконец прильнули друг к другу, расположившись на диване.

– Давайте-ка я разберусь с этим, – сказала я и принялась собирать использованную посуду.

– Оставь, не беспокойся, – запротестовал Найл, страдавший аллергией на любую помощь кого бы то ни было, если это касалось его дома.

– Расслабься, приятель, – не уступила я, направляясь на кухню. – Ты заплатил за все. Считай, это мой вклад.

Сквозь журчание воды я слышала резкое сопрано смеха Милы, поддерживаемое басовыми нотами Найла. Возможно, сегодня ночью они наконец-то переступят порог между платоническими и романтическими отношениями. Бог свидетель, время пришло. Чувства Милы к Найлу были столь очевидны и глубоки, что мы никогда не касались этой темы, как обходят стороной банальность вроде той, что все мы смертны. В свою очередь, чувства Найла к Миле послужили, как мы все подозревали, причиной загадочного ухода от Найла его подружки Лины. Но лично я опасалась их сближения. Мила была второй моей давнишней подругой после Дила, и что-то внутри меня говорило: если она и Найл нарушат пакт о дружбе, она всецело будет принадлежать ему. То есть всеобъемлющим, духовным образом станет его половинкой, что мне только предстояло испытать, и поэтому я отойду для нее на задний план.

– Мы закругляемся, – объявил Найл, оказавшись рядом со мной, и по-братски положил руку мне на плечо.

– Класс! – улыбнулась я. – Доброй ночи.

Я обняла его в знак благословения. Кажется, он понял меня.

– Там на диване есть свободное одеяло для тебя.

– Спасибо, дружище.

Я расположилась на диване и, завернувшись в синтетиче-

ское флисовое одеяло, бездумно ковырялась в телефоне, когда пришло сообщение от Генри, словно призванное силой моих мыслей.

Извини за моего дядюшку, хотелось припечатать ему за такие слова. Хотя сиськи у тебя действительно классные.

«Припечатать родственнику на семейных похоронах – всегда круто...» – напечатала я, но потом удалила.

Спасибо! Особенно горжусь левой. Надеюсь, у тебя все ОК...

Я ждала ответа минут двадцать, но его не последовало.

* * *

Биг-Бен, обитающий прямо напротив за рекой, разбудил меня, пробив одиннадцать часов. Январское солнце заливало комнату. В квартире стояла тишина. Я сделала себе кофе с помощью шикарной кофемашины Нила и подошла к окну – внизу поблескивали мутные воды Темзы. Поскольку ребята уже ушли на работу, я не смогла устоять перед соблазном обследовать квартиру: спальня Найла пропахла кокосовым кремом Милы, шкафчик в ванной с зеркальной дверцей

не содержал никаких соблазнительных рецептурных препаратов, в гардеробе добрая половина одежды висела в мешках из химчистки. И никакой грязи – ни в прямом, ни в переносном смысле этого слова. Я нажала кнопочку на чудо-аппарате, чтобы сварить еще кофе, и позвонила Дилу.

– Приветики, приветики, приветики, – раздалось в трубке.

– Ну, слышу, ты уже жутко бодрый.

– Жаркая ночка.

– Ой, заткни хлебальник.

– Да, да.

– Сесили Симмонс?

– Она.

– Срань господня!

Он рассмеялся.

– Не один ты отличился, – не утерпела я.

– Опять кувыркалась с Генри?

– Не-а. Интереснее.

– С кем? С одним из старичков Ташенов? Завела себе папика?

– Фу-у! Не я, Мила и Найл.

– Хорош!

– Правда, я сейчас еще у Найла.

– Не тройничком, Фил?

Теперь рассмеялась я.

– Ну, все к тому и шло. И правильно.

– Ага.

– Где-то тут собака зарыта, – помолчав, сказал Дил. – Не думаешь, что смерть так действует? Говорят, что она возбуждает выживших. Вон как узники в Освенциме, известный факт – сношались как кролики.

– Какая херня.

– Мне можно об этом говорить, я еврей.

Я вспомнила Генри, когда он вернулся в квартиру в Олбани и был просто одержим сексом. В словах Дила явно был смысл.

– Пойдем пообедаем, – предложила я. – Хочу знать все подробности про Сесили.

На улице было морозно, но сухо, и я решила прогуляться по Ламбетскому мосту. В дорогу включила «Кровь на рельсах» Боба Дилана. Как-то Дил сказал мне, что песня «Простая ирония судьбы»⁷ всегда заставляет его задуматься о нас, конкретно о том, что мы как близнецы. Я стояла и смотрела в направлении течения реки на колесо обозрения на южном берегу и на Вестминстерский дворец на северном. Прогулки по городу всегда так на меня действовали – обнаруживалось что-то новое в улицах и зданиях, которые я хорошо знала. Было забавно иногда взглянуть на город глазами туриста.

Воды реки были беспокойны и непроницаемы. *Если спрыгнуть с моста, погибнешь?* Мне стало страшно.

⁷ *Simple Twist of Fate* – композиция из пятнадцатого студийного альбома Боба Дилана «*Blood on the Tracks*».

Как я и ожидала, вновь встретиться с моими подопечными детьми было здорово. Эта работа подвернулась мне совершенно случайно. Объявление я увидела в кафе, куда мы зашли с Дилом после променада в Хэмпстед-Хит в очередное похмельное будничное утро.

– А что, попробуй, – посоветовал Дил, заказав нам по бутерброду с сыром. – Ты уже который месяц собираешься уйти из паба.

– Не знаю вообще, нравятся мне дети или нет? – размышляла я вслух.

– А кого это волнует? – пожав плечами, аргументировал Дил. – Зато это хоть какая-то зацепка. Так продолжаться дальше не может. Каждый вечер я зависаю в твоём пабе – моему кошельку нужна передышка. Да и у тебя никогда не будет времени что-то писать, если ты по ночам работаешь, а потом весь день спишь.

Я думаю, Терри с ее мужем Рафом наняли меня только потому, что я согласилась приступить немедленно. Ну, еще получилось так, что их дети сразу прониклись ко мне, причем без видимых на то причин, и как я поняла уже теперь, это было для них просто нормой. А вот к чему я не была совсем готова, так это с какой легкостью и скоростью я полюбила детей в ответ.

Когда я вошла, дети бросились мне навстречу с криками: «Няня Джо! Няня Джо!» Кларе было семь, Дему – пять.

Его макушка все еще источала тот сладковатый младенческий аромат. Первой меня обняла их мать.

– Здравствуй, родная, – мягко сказала она, удерживая меня в объятиях.

– Здравствуйте, Терри, как вы?

– Прекрасно, родная, все хорошо. Мне так жаль твою подругу.

– Да, спасибо, все нормально.

– Представляю, как это ужасно для тебя.

– Я уже в порядке. Спасибо за предоставленный отпуск.

Терри выпустила меня из объятий, но продолжала пристально всматриваться в глаза.

– Дети, – сказала она, – сегодня вы будете вести себя очень хорошо, так ведь? У няни Джо была тяжелая неделя.

Джем судорожно вздохнул. Я ему подмигнула.

– Почему твоя подруга умерла? – спросила Клара.

Я посмотрела на Терри в надежде на подсказку, но она просто стояла и, грустно улыбаясь, смотрела на меня.

– Ну, это был несчастный случай, – справилась я сама.

– А сколько ей было лет? – теперь спросил Джем.

– Очень молодая, всего двадцать девять.

– Это старая.

– Ну, не такая старая, чтобы умирать.

– Наш кот умер, а ему было восемнадцать, – подхватила Клара.

– У кошек не такая долгая жизнь, как у людей, Клара, ма-

лышка, – вмешалась Терри.

– Он на одиннадцать лет был моложе, чем твоя подруга, – не сдавалась Клара.

– С математикой у тебя все хорошо, – сказала я.

Терри ушла, и дети повели меня к себе наверх и показали подарки, которые они получили на Рождество: Клара – айпад, а Джем – замок «Лего» с подъемным мостом и драконом. Клара сердилась, что я выказала больше интереса к замку, что было правдой.

Мы решили пойти в парк. Джем позволил натянуть на него толстенную куртку и укутать шарфом, но Клара настояла на том, что ей будет тепло в одном джемпере. В парке я так высоко раскачала Джема на качелях, что он визжал от страха и восторга. Клара стояла неподалеку и болтала с девочками из своей школы – руки в боки, волосы растрепаны. Я всегда замерзала быстрее детей и, чтобы соблазнить их пойти домой, пообещала им купить в кафе «бэби-капучино» – просто взбитое молоко, налитое в маленькие стаканчики навынос. Они очень любили его из-за пенки, состоящей из сотни или тысячи пузырьков. Дети пили его на ходу, как «мама делает». Вернувшись домой, дети расположились за столом на кухне рисовать, пока я отваривала брокколи и запекала котлеты по-киевски.

Мне нравилось погружаться в рутину их семейной жизни: красивые детские спальни, аккуратно заплетенные волосы Клары и пухленькие ручки Джема. Нравилась энергетика

ка всего их дома с развешанными повсюду разномастными картинами, с антикварной мебелью. Терри и Раф, наверное, во всем этом разбирались. У обоих была престижная и творческая работа, но они всегда находили время для приятного общения как друг с другом, так и со своими детьми. Они по-прежнему были влюблены друг в друга. Иногда, перед тем как забрать детей из школы, я заскакивала на минутку в дом и натыкалась на трогательные свидетельства прошлого семейного вечера: окуроченный косячок в камине, два бокала, оставленных в ванной. Они оба смотрелись непринужденно стильными как в своих выходных нарядах, так и в интерьерах собственного дома: она, равнодушная к анималистическому принту, а он – приверженец неподражаемой замшевой куртки с бахромой на широких плечах. Они были просто классной парой. Глядя на них, думалось: какая забавная молодая семейка.

После ужина я купала детей – с пеной, игрушками и хихиканьем по поводу попок. Затем укладывались спать: сначала Клара, за ней Джем. Иногда я читала им сказки на сон грядущий, но они больше любили, когда я сама сочиняла всякие истории прямо на ходу. Я называла героя или героиню их именами и погружала их в мир, который, знала, им точно понравится. Для Джема что-нибудь, связанное с драконами, желательно, чтобы он в конце пожирал злого короля. Клара же предпочитала, чтобы героиня с ее именем оказывалась на концерте одной из любимых ею звезд и чудесным образом

ее приглашали потанцевать на сцену. Сначала они начинали посापывать, потом наконец засыпали, а я спускалась вниз, чтобы успеть навести на кухне порядок до прихода родителей, и затем покидала их уютный устоявшийся мир, чтобы вернуться в свой собственный – зыбкий и неопределенный.

Младшего брата Дила хоронили в ноябре. День был холодный и пасмурный. Такую погоду мама называла «пресной».

– А денек-то сегодня пресный, не находишь? – обратилась мама к отцу, сидя на переднем сиденье нашего старенького «Фольксвагена».

Помню, как мне было неудобно в новом черном платье. Мама купила его на благотворительной ярмарке за день до похорон. Я теребила застежку на куртке и таращилась в окно, считая телеграфные столбы. В автомагнитоле играла кассета с альбомом «Малыш Джеймс»⁸ Джеймса Тейлора. В то утро, когда я уже собралась идти в школу, отец рассказал мне, что случилось неделю назад.

– Пап, знаешь что? – обратилась я к отцу, спускаясь в гостиную. – Мне приснилось, что я плыву в лодке, точно как в стишке «Филин и Кошка»⁹. Так странно!

– Правда?

– Да, в лодке еще был Дил. Мы в открытом море, а волны такие огромные, просто ужас!

– Ого.

⁸ *Sweet Baby James* – второй студийный альбом Джеймса Тейлора.

⁹ *The Owl and the Pussy-Cat* – стихотворение английского художника и поэта Эдварда Лира.

– Да! Я думала, что мы вот-вот потонем.

– Джоани, подойди сюда и присядь на минутку, пожалуйста. Я должен сказать тебе кое-что.

Я села.

– Сегодня тебе не надо ходить в школу.

– Почему?

Отец сделал такое лицо, которое означало, что сейчас он скажет что-то очень важное. Но мне его физиономия показалась потешной, и я уставилась на свои ботинки, чтобы не рассмеяться.

– Случилось несчастье, – произнес отец.

Его правая рука лежала на столе, но выглядело это так, будто отец удерживал стол, чтобы тот не сбежал.

– Малыш Бен умер.

Я молчала. По правде, я ничего не почувствовала, но понимала, что весть печальная, и постаралась изобразить соответствующее выражение на лице.

– Это была чудовищная случайность. Дилан и Бен вместе плескались в ванне, и Дилан ушел, оставив Бена одного. Нельзя такого маленького оставлять одного в ванне с водой, и Бен утонул.

Мне показалось это маловероятным. Да, Бен был еще совсем маленький, но ведь и ванна не такая большая, чтобы в ней утонуть.

– Ты понимаешь, что нельзя оставлять малышей одних в ванне с водой?

– Да.

– Даже если высота воды в ванне будет всего дюймов шесть, ребенок может захлебнуться и умереть, – пояснял отец.

«Шесть дюймов – это сколько?» – пыталась сообразить я, зная, что воду измеряют в миллилитрах.

– Да, – снова согласилась я, а сама думала: почему же родители Дила оставили его присматривать за младшим братиком, если понимали, что Бен еще совершенно беспомощный? Он даже вставать самостоятельно не мог, его и на секунду нельзя было оставить одного. Совсем недавно мы с Дилом играли с ним, и Бен свалился с кровати, когда мы отвлеклись буквально на минуту. Тогда мы огребли кучу неприятностей. Присматривать за ним было очень нудное занятие.

– Пап?

– Да?

– Значит, это Дил виноват?

– Нет. Дил не виноват, но он не должен был оставлять Бена одного, понимаешь?

– Да.

– Я думаю, ты представляешь, как расстроены Дэвид и Шерон. И наша мама очень расстроена. И я тоже.

– И я, пап.

Отец положил руку мне на плечо. На удивление она оказалась очень тяжелой.

– Нам придется вести себя очень мужественно, – сказал отец и, вернув руку снова на стол, похлопал по нему ладонью, как обычно подбадривают собак. – Знаешь, то, что произошло, – это просто ужасно, но когда мы увидимся с Дэвидом и Шерон и с Диланом, мы ради них должны быть сдержанными, понимаешь?

Я кивнула, а сама пыталась придумать, что скажу Дилу, когда мы встретимся.

– Так, пап, мне не надо идти в школу сегодня?

– Нет.

После завтрака, поднимаясь в свою комнату, я проходила мимо спальни родителей. И тут я услышала жуткие стоны, доносившиеся из-за двери. Звуки походили на звериные, будто кому-то было очень больно из-за того, что его придавило чем-то большим и тяжелым. Раньше я никогда не слышала, чтобы мама так плакала. Мне захотелось заглянуть за дверь и посмотреть, что там происходит, но я испугалась: в ее столах слышалось что-то очень интимное и неловкое. Оказавшись в своей комнате, я отыскала свою старую куклу Пеппер и пошла с ней в ванную. С Пеппер я не играла уже несколько лет. Игры с куклами стали казаться мне слишком детскими и еще очень девчачьими. Я наполнила ванну и залезла в воду вместе с Пеппер. Я нянчилась с ней, намыливала, а затем опустила в воду вниз лицом. Она плавала.

Где-то на сто сорок восьмом телеграфном столбе я сби-

лась со счета, и мы подъехали к небольшому дому. Только это был не просто дом, а молитвенный зал.

– Вот мы и на месте, – сказала мама.

«Как быстро», – подумалось мне. Я не хотела, чтобы поездка заканчивалась. В машине было тепло и спокойно, а снаружи все незнакомо и холодно. Дила я еще не видела и неожиданно для себя не желала встречи. Я смущалась своего тесного платья и детских носков с рюшками.

– Можно я останусь в машине? – заканючила я.

– Нет, родная, – отрезала мама. – Пошли, Дилан обязательно захочет увидеться с тобой.

Я топталась рядом с папой и мамой, пока они разговаривали с другими взрослыми. Мои голые ноги на холодном ветру покрылись багровыми пятнами. Мало того, накрапывал дождь. От моего шерстяного пальто запахло мокрой собакой. Мы все расположились вокруг могилы. Дил вместе с родителями стоял по другую сторону небольшой свежевырытой ямы, и все они были в драных куртках. Я с удивлением пялилась на них: почему они пришли в старой рваной одежде? Возможно, они просто не могли позволить себе что-то новое. Это как-то смягчило мое беспокойство по поводу моего платья с благотворительной ярмарки. Мать Дила едва держалась на ногах, постоянно склоняясь к мужу, который открыто рыдал. Это зрелище плачущего при всех взрослого мужчины завораживало и одновременно пугало меня. Потом мне стало стыдно за него, за его покрасневший нос и

сопли, текущие по подбородку. Почему никто не догадался дать ему носовой платок? Многие взрослые тоже плакали, их всхлипывания и завывания время от времени заглушала речь мужчины в смешной шляпе. Казалось, это никогда не кончится.

Наконец все двинулись вокруг могилы, бросая по очереди горсть земли в яму. Я обрадовалась, когда отец спросил меня:

– Хочешь бросить немного земли на гроб, Джоани?

Я закивала. Отец выщипнул из ведра горстку земли и положил мне в ладошку, которую я приготовила маленькой лодочкой. Но этого было слишком мало, я бы хотела бросить больше, но он уже передал ведро следующим за нами людям. Я заглянула в могилу. Гроб был очень маленький, но все же больше колыбельки для моей куклы Пеппер. Сверху лежало черно-белое покрывало. Я постаралась бросить свою горстку земли так, чтобы она красиво рассыпалась по белой полосе покрывала, но попала на край гроба. Мне захотелось попробовать еще раз, и я думала попросить отца дать мне земли, но не решилась.

Когда мы вернулись в машину, мама лишь проронила:

– Ну, дела.

Во время скоротечной поездки к дому Дила я успела спросить, почему и Дил, и его родители были в куртках с дырками.

– Так еврейский народ обычно показывает свою скорбь, –

пояснил папа.

В доме все зеркала были завешены простынями. Помню, что пахло вареными яйцами.

– Давай пойдем в мою комнату, – предложил Дил.

Я была рада убраться из гостиной с ее странной атмосферой.

– Ты сильно расстроен? – спросила я, когда мы оказались в его комнате.

– Да.

– А почему ты оставил Бена одного в ванне?

Дил растерянно пожал плечами:

– У меня на пальцах появились старушечьи морщины. Захотелось просто уйти.

– Но ведь нельзя оставлять детей в ванне одних. Они могут захлебнуться и умереть в воде высотой шесть дюймов.

Дил заплакал.

Я поспешила его успокоить:

– Папа сказал, что ты не виноват.

– А моя мама говорит совсем другое, – прохныкал Дил. – Она кричала: «Смотри, что ты наделал!»

– Но ты же ничего не делал, да?

– Я просто хотел вылезти из этой ванны! – задыхаясь, прокричал Дил. – Мы просидели там целую вечность, и никто не собирался забирать нас.

Я подхватила с кровати плюшевого медвежонка и поднес-

ла к его лицу.

– Не плачь, Дилан! – прорычала я низким голосом.

Дил нахмурился, но плакать перестал.

Я заставила медвежонка поцеловать Дила.

– Давай поиграем в фильм, – предложил Дил.

История с игрой в фильм началась примерно за год до этих событий. Наши родители отправили нас в мою комнату смотреть видик, пока сами ужинали в гостиной. Я выбрала кассету с замысловатым названием, чтобы впечатлить Дила, так как он вступил в период верования «все бабы дуры». Фильм оказался очень скучным. Люди в строгих костюмах говорили о деньгах и сосредоточенно перемещались по коридорам. Мы, естественно, ничего не понимали, но никто не хотел признаваться в этом. И вдруг ни с того ни с сего главный герой оказывается наедине с женщиной в одних трусиках и лифчике и начинает ее целовать. Затем он снял с нее лифчик, трусики и принялся целовать ее между ног. Далее он разделся сам, и теперь они вдвоем кувыркались на кровати, издавая смешные звуки и обливаясь потом. Я знала, что это называется сексом.

– Они занимаются сексом, – объяснила я Дилу.

Он захихикал и прошептал:

– У меня пипка взбесилась!

Я испугалась.

– Покажи, – попросила я.

– Не-е.

Фильм снова вернулся к мужчинам в костюмах, болтающих о деньгах.

– Перемотай, – попросил Дил.

И я перемотала. Потом еще и еще, и так много раз. Помню, что от многочисленного просмотра сексуальной сцены у меня горело.

В следующий раз мы увиделись с Дилом уже у него дома. Начали играть с его грузовиками, и он вдруг спросил:

– А помнишь, мы фильм у тебя смотрели?

– Да.

– Давай поиграем в этот фильм, я буду мужчиной, а ты женщиной, давай?

– Давай, – согласилась я, – только у меня лифчика нет.

Дил озадачился.

– А я тебе мамин дам! – придумал он.

Мы прокрались в спальню родителей и выдвинули верхний ящик комода матери Дила. Он был полон всяких волнующих вещей и источал легкий аромат пудры. Дил выбрал черный лифчик, похожий на тот, что был на женщине в фильме, и мы побежали обратно в комнату Дила, истерично хихикая.

Я надела лифчик, но он оказался слишком велик, тогда мы набили чашечки носками Дила.

– Так, ну теперь я играю мужчину.

– Хорошо.

Помню, мы даже изобразили какой-то диалог, прежде чем

начали целоваться. С тех пор мы стали называть эту игру «фильм». Какое-то время мы играли в нее каждую нашу встречу. Это уже становилось единственной целью визитов к Дилу: когда я хотела поиграть в фильм, я намеренно просилась пойти к нему домой. Но потом, где-то год спустя, прямо во время игры Дил вдруг сказал:

– Все, больше не хочу играть в фильм.

И теперь я была удивлена, что он снова захотел поиграть в фильм именно в день похорон своего брата.

– У нас и лифчика нет, – сказала я.

– Да мы можем просто притворяться, – отмахнулся Дил.

Он разделся первым, потом я. Мы начали целоваться стоя, потом легли на кровать. Я чувствовала, как мое лицо наливается жаром, а тело становится все напряженной, и вдруг дверь распахнулась. Это была мать Дила.

С похорон Марлы прошло несколько недель, и с тех пор от Генри не было никаких вестей. С каждым днем во мне росли сомнения, а стоит ли отказываться от возможности проводить выходные с друзьями, ожидая, что Генри вдруг понадобится мое присутствие в его кровати, как это было в первые дни нового года. И вот наступал очередной вечер пятницы, а от него снова ни слуху ни духу, и я отчаянно пыталась втиснуться в планы моих друзей повеселиться. Но, оказавшись в компании, я докучала остальных вопросами о Генри: как он себя чувствует, почему не звонит?

– Хватит! – не выдержала Джесс в один из таких пятничных вечеров, переорав клубную музыку. – Забудь о нем! Иди танцевать!

Танцевать я могла, но забыть Генри – это уж слишком. Опрокинув порцию текилы, я присоединилась к остальным девчонкам и Пэдди на танцполе. Тесный кружок наших потных тел лоснился в свете стробоскопов. Вполне себе симпатичный парень в мешковатой футболке все пристраивался ко мне, ловя мой взгляд и принаравливаясь к моему ритму. Я улыбнулась в ответ. Пэдди чрезмерно высоко вскинул брови, одобряя мои действия. Я повернулась спиной к мистеру Мешковатая Футболка и позволила прильнуть ко мне сзади и уткнуться лицом в шею. Наши бедра раскачивались в еди-

ной амплитуде.

– Может, покурим? – крикнула я в толпу, в надежде, что кто-нибудь из наших услышит.

Отозвался Пэдди, и мы выбрались с танцпола. Мешковатая Футболка переключился на Джесс. Без претензий! Удачи!

В курилке Пэдди назвал вещи своими именами.

– Ты влипла, – констатировал он, поднося мне огонь.

– Знаю, – прошипела я, прикуривая. – Педик.

– Это прекрасно, дурочка, – улыбнулся Пэдди. – Ты нравишься ему.

– Нет, не нравлюсь, – канючила я, нервно затягиваясь. – Это повторение карнавальной истории в Ноттинг-Хилл.

– Ты ему нравишься. Я знаю.

– Заткнись.

Голос Пэдди изменился, его родной порт-тэлботский говор трансформировался в идеальный «королевский английский»:

– «Все знают, – произнес он величественно и повелительно. – Мир знает. Всем известно. Но они никогда не узнают, они никогда не узнают. Они живут в другом мире!»¹⁰

– Что за хрень?

– Пинтер, – пояснил Пэдди, в мгновение ока став самим собой. – Из моего спектакля. Кстати, когда вы придете?

¹⁰ Цитата из пьесы английского драматурга Гарольда Пинтера «Предательство».

– Ой, мамочки! – вскрикнула я, глянув в телефон.

Встретимся в Олбани через полтора часа.

– Это он, да? – спросил Пэдди.

Я кивнула, стараясь скрыть ликование.

– Проваливай, – махнул сигаретой Пэдди. – Насладись своим прекрасным принцем.

В этот момент появилась Мила.

– Ты вовремя, – обратился к ней Пэдди. – Джони сваливает на охоту за живым дилдо.

– А где Джесс? – спросила я Милу.

– Да трещит с какой-то девахой в баре, – отмахнулась Мила. – А ты что, встречаешься с Генри?

– Да, извини. Я дрянь?

– Ага, – согласилась Мила, обнимая меня. – Не парься, все равно я тоже скоро отваливаю.

Мы обменялись взглядами, и я поняла, что она тоже спешит насладиться своим прекрасным принцем.

– Люблю вас, – пропела я на прощание.

Через полтора часа я была в Берлингтон-Гарденс. Генри подкатил на старомодном «Мерседесе».

– Садись, – сказал он.

Было около часа ночи, и, скорее всего, он уже выпил, но предложение сесть в машину к Генри Ташену я приняла с готовностью и без лишних вопросов. Мы проехали через весь

город, миновали пригороды, вот уже остались позади указатели на Леголэнд и Виндзорский замок. Мир за окнами автомобиля погрузился во тьму, будто мы путешествовали глубоко под водой. Не было видно ни зданий, ни дорожных знаков, лишь едва различимые контуры живой изгороди вдоль дороги. Я закуталась в пальто Генри, свернулась калачиком и, подперев ладонью щеку, облокотилась на ручку двери. Потеряв счет времени, я закрыла глаза и погрузилась в теплоту кашемирового пальто Генри и его запах.

– Господи, Генри, можешь ехать чуть помедленнее, – проворчала я.

Судя по всему, я стала засыпать, но рев двигателя, резко набирающего обороты, заставил меня вздрогнуть, и я очнулась. Мы обогнали другую машину.

– Все нормально, – сказал Генри, не отрывая взгляда от дороги.

И я вдруг заметила тени под его глазами, и от этого он выглядел сильно изможденным. Вскоре мы свернули на проселочную дорогу и поехали вдоль высокой кирпичной стены, которая показалась мне бесконечной. Наконец Генри сказал:

– Приехали.

Мы остановились у высоких кованых ворот, за которыми пролежала уходящая в темноту подъездная аллея. Я опустила стекло. Деревенский воздух. Он был заметно холоднее, чем в Лондоне.

– Черт, Генри, где мы?

– В мамином поместье. Мы проскочим незаметно. Гарантирую, до завтрашнего утра мы никого не встретим.

– Но она знает, что ты приедешь?

– Ну, типа того. Предполагалось, что приеду на ее званый ужин.

– А почему ты не приехал?

– Не мой формат развлечений.

Мы двинулись по узкой аллее, которая была вся в рытвинах и усеяна овечьими какашками. Впереди в лунном свете стали появляться контуры огромного кирпичного строения. Я подумала, что только такие чудаки из старинных богатых фамилий оставляют свои дома незапертыми. Хотя с подъездной аллеей в милю длиной в этом нет необходимости. В дом мы вошли через черный ход, который вел в теплую и неприбранную кухню. Стол был уставлен противнями со следами подгоревшего розмарина и чеснока. Раковина завалена тарелками, и повсюду, где только можно, стояли бокалы, заляпанные красным вином. Грязное белье свисало из стоявшей на чугунной плите плетеной корзины. Каменный пол затоптан грязной обувью и усеян собачьей шерстью.

– Проходи, – прошептал Генри.

Миновав кухню, мы пошли по узкому коридору мимо дверей, со счета которых я сбилась. Далее попали в большой холл с мраморными полами, на стенах висели картины с изображением лошадей. Через приоткрытую дверь я мельком углядела гостиную со следами прошедшего званого ужина.

на: сталактиты оплавленного воска на канделябрах, стулья, отодвинутые от стола, облачко дыма, повисшее в воздухе, словно припозднившийся гость, не желавший уходить. На втором этаже Генри взял меня за руку и, проведя через три двери подряд, затащил в большую комнату, где первое, что бросалось в глаза, была кровать с балдахином. Генри тут же принялся разводить огонь в камине.

– Ого, – вырвалось у меня.

– Что?

– Это здесь ты рос?

– Да.

– Ого.

– Что?

– Просто тяжело, наверное, вот отсюда перебраться в Олбани.

Генри усмехнулся:

– Иди на хер.

Кристиана Ташен, прямо скажем, не была рада моему появлению. По большей части она просто игнорировала мое присутствие, что, кстати, было наилучшим выходом из положения. И дело было даже не столько в том, что она пугала меня, просто я понятия не имела, что я могу ей сказать. Обычная учтивая болтовня на фоне ее горя действовала бы раздражающе.

В субботу к тому времени, когда мы с Генри спустились

в гостиную, все гости очередного званого ужина уже разошлись – кроме дядюшки Лохлана.

– Ни за что не ушел бы, не повидав вас! – завопил он, оторвавшись от своей тарелки с копченым лососем.

Генри заметно напряглся в его присутствии, что, похоже, лишь подхлестнуло Лохлана взвинтить до предела свое агрессивно-скабрезное поведение.

– Выглядишь ужасно уставшей, цыпочка, – пустился старикан в атаку, как только Кристиана вышла из зала. – Всю ночь кувыркались, да? – не унимался Лохлан, хихикая в тарелку.

Я принялась нарезать хлеб.

– Будешь тост, Генри? – спросила я.

– Нет, спасибо.

Повернувшись спиной к мужчинам, я принялась намазывать на хлеб «Мармайт» и сливочное масло в равных порциях.

– Чем собираетесь сегодня заняться? – обратился к нам Лохлан. – Не хотите прогуляться с ружьями?

Генри молчал.

– Джони, ты охотишься? – Старикан уставился на меня, оскалив свои желтые зубы.

– Нет.

– Но ты же не из этих чокнутых веганов?

– Нет!

– Молодчина! – Лохлан встал, отнес свою тарелку к мойке

и запустил в таз с водой.

На обратном пути он склонился ко мне и пробурчал:

– Значит, ты глотаешь? – и захрипел мне в затылок, задыхаясь от раздиравшего его смеха.

Я посмотрела на Генри, он гладил Долли, добродушную собаку, и, похоже, ничего не слышал. Лохлан так и ушел, посмеиваясь.

Весь день я провела на диване с книгой «Анна Каренина» в руках и с Долли в ногах. Генри погрузился в толстенный фолиант с биографией человека, о котором я даже и не слышала. В камине потрескивал и урчал огонь. Лохлан, как и обещал, ушел на охоту, так что я могла спокойно шастать на кухню и обратно за кофе и печеньями. Стива и Левин страница за страницей вели скучный разговор о крепостных крестьянах, мое внимание постепенно покинуло книгу, и я сосредоточилась на профиле Генри. Темная прядь волос свисала на лоб, сморщенный от глубокой сосредоточенности. Время от времени он шевелил губами, беззвучно проговаривая слова, которые читал, – процесс настолько интимный, что я смущалась за свое подглядывание.

– Генри, – позвала я, потягиваясь, – как мне сегодня вечером добраться до Лондона?

Долли явно не понравилось, что я нарушила спокойствие. Я почесала ее большую плюшевую голову.

– Хм? – отозвался Генри, возвращаясь в реальность.

– Как мне отсюда добраться до Лондона?

– А, – наконец-то понял меня Генри. – А тебе необходимо?

– Ну, положим, необходимости как таковой нет. Дети уехали на каникулы.

– Тогда почему бы тебе не остаться?

– Просто у меня с собой нет кое-чего необходимого, – заюлила я, зная, что лукавлю.

Выходя из дома в пятницу, я инстинктивно запихнула в сумочку пару запасных трусиков и свою походную зубную щетку.

– А мне бы хотелось, чтобы ты осталась, – сказал Генри и, протянув руку со своего логова на ковре, схватил меня за лодыжку.

– Вот как?

– Вот так.

На ужин мы ели кролика, которого Лохлан подстрелил днем ранее, сам же освежевал и разделал.

– Лучше, если дать ему отвисеться пару недель, – разглагольствовал старик с набитым ртом, при этом накалывая на вилку следующий кусок темного мяса.

– Очень вкусно, – похвалила Кристиана, при этом едва притронулась к своей порции. – Ты кудесник.

Она разрезала свою порцию мяса на множество маленьких кусочков и после тщательного пережевывания каждого обильно запивала красным вином. Пили они с Лохланом много. Когда мясо было съедено, пустовали четыре бутылки,

хотя мы с Генри выпили всего по бокалу.

– Большое спасибо, – поблагодарила я, забирая у всех тарелки и смахивая холодные объедки в одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.